

Александр Чирко

ПРИЗРАК-40-2242

Литературный сборник

Александр Чирко
Призрак-40-2242.
Литературный сборник

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64036721

Призрак-40-2242. Литературный сборник. / Александр Чирко: СУПЕР

Издательство; Санкт-Петербург; 2020

ISBN 978-5-996512-67-6

Аннотация

Сборник военных рассказов.

Содержание

ДЕД АФАНАСИЙ И ВВС	4
ЖИЗНЬ ШМОньки	60
ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой выясняется, что можно прожить без сопротивления материалов, а вот без музыки – нет	60
ГЛАВА ВТОРАЯ. Поворот «Все вдруг», прощание и напутствие Воронова, училище...	75
ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой Рогов убывает в отпуск, а в это время происходят некоторые события, возвращение Воронова	86
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой Воронов впадает в раздумье о правильности выбора, начинаются суровые будни, Рогова ранит стрела Амура, но Черт толкнул под руку и стрела пролетела мимо. Тяжелый разговор	103
ГЛАВА ПЯТАЯ. Рогова приглашают домой	129
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Александр Чирко

Призрак–40–2242

Литературный сборник

ДЕД АФАНАСИЙ И ВВС **(маленькая повесть)**

В жаркий знойный полдень, когда зыбкое марево трепетало над серой бетонкой, на одном из таёжных аэродромов произошло на первый взгляд незначительное событие: в полку появился новый летчик.

Он сошёл со штабного “ГАЗика”, поставил в густую пыль простенький фибровый чемоданчик и огляделся. Видимо обозрение местности не произвело на него никакого впечатления, во всяком случае, его лицо осталось равнодушным, что явно заедало водителя командирской машины рыжего как огонь и тоненького, как молодой тополек, Сашку Марченко.

– Сопки, товарищ лейтенант, – сказал он. – Да?! – удивился лейтенант. – А я думал площадь Маяковского. Где штаб?

– Направо, – мрачно сказал водитель, – от дороги два метра.

Коренному приморцу Марченко безразличное отношение к родному краю показалось оскорбительным и, сердито засопев, он открыл капот автомобиля.

– Лазят здесь всякие, – проворчал он, – а потом рояли пропадают...

И эти слова, для тех, кто его знал, означали высшую степень раздражения. Лейтенант отсутствовал недолго. О чем-то разговаривая с командиром полка, он вышел на крыльцо штаба, который располагался в бывшем здании сельсовета. Новый, недавно отстроенный, был чуть дальше.

Сержант! – окликнул командир. – Отвезешь товарища лейтенанта к Пуштарнику. Да скажи деду, чтобы не чудил.

– Скажу, – пообещал сержант.

– Ну, устраивайтесь, лейтенант. А завтра к восьми часам утра я вас жду.

– Чемодан поставил – и всё устройство. А что, дедок может преподнести сюрприз?

– Спешка нужна при ловле блох, – наставительно произнес командир, – а здесь суета не требуется. Не на один день прибыли. А дед... – командир усмехнулся, – нормальный дед, я, думаю, поладите.

– Разрешите идти?

– Свободны.

Дом деда Пуштарика стоял на краю деревни в окружении березок, черемухи и густых зарослей малинника. За домом тянулся огород, изрядно заросший, всё это великолепие было оцеплено старым покосившимся забором с проломленными кое – где жердями. От калитки к дому вела дорожка, выстланная прогнившими досками, постанывающими, когда на них наступали. Да и сам дом производил грустное впечатление своей ветхостью и старостью, несмотря на веселый солнечный день.

– Шикарные апартаменты, – сказал лейтенант. – Тут случайно не придавит по тихой грусти?

Марченко хмыкнул и отвернулся. Они открыли заверещавшую калитку и поскрипучим, и стонущим доскам вошли в дом.

– Дед, – позвал Марченко, – принимай жильца. Здорово!

– Наше вам с кисточкой, – сказал дед, оторвавшись от каких-то записей.

– Здравия желаю, – сказал лейтенант и огляделся.

Против ожидания в комнате наблюдался идеальный порядок. Чистая дорожка делила комнату пополам. В правой половине громоздился старинный комод, над ним – большая рама под стеклом с фотографиями, на которых были изображены какие – то люди с застывшими лицами; справа от фо-

тографий – в рамках под стеклом – две Почетные грамоты; слева два портрета, засиженные мухами, видимо, сам дед в молодости – приятный курчавый парень – и молодая женщина, притягивающая взгляд своей задумчивой таинственной красотой. Лейтенант еле оторвал взгляд от портрета. Прямо на входящих смотрел Н. С. Хрущев. Смотрел хитровато, по – крестьянски. Мол, чего там, мужики, доживем до восьмидесятых, а там – коммунизм.

– Потомственный шахтер, – сказал лейтенант голосом бесстрастным, каким диктор радио объявляет погоду в Якутии.

– Да уж, – осторожно согласился дед.

Под "шахтером" стояла тумбочка, прикрытая крахмальной, как показалось лейтенанту, накидкой. На тумбочке красовался приемник «Родина», из – за него выглядывала здоровенная батарея.

– Слушаем вражеские голоса... – не то спросил, не то отметил про себя вслух лейтенант.

Дед, крепясь, промолчал, но слегка порозовел, как помидор на сухой грядке. Лейтенант повернул голову, осматриваясь. Левая половина стены сверкала белизной, но что поразило офицера невероятно так это большой портрет великого химика Менделеева.

– Родственник? – полюбопытствовал лейтенант.

– Только не надо знущаться над старыми людьми, – мрачно сказал дед. – А може и так. Кому, какое дело?

– Совершенно справедливо, – согласился лейтенант. – Юрий Владимирович. Можно и проще – Юра.

– А – а-а, – протянул дед. – Афанасий Петрович.

И замялся. Потому как лейтенант руки не подал, и дедова ладошка зависла в воздухе.

– Оно, конечно, – заметил дед Афанасий в воздух, – можно и не здороваться, дык любопытство меня берет, а не тесно ли будет у меня товарищу офицеру?

– В самый раз. Я давно хотел пожить в патриархальной тиши. Среди слоников на тумбочке и занавесочек, и, чтобы за окном шумела березка.

– Перчаточку у хате можно бы и снять, – опять пробурчал дед в потолок, – рукам и взопреть недолго.

– А вот это вас совершенно не касается! – неожиданно резко сказал лейтенант.

Дед слегка оторопел и пошел в следующую комнату.

– Тут жить будете, – зло сказал он лейтенанту и показал наблюдавшему солдату кулак.

– А я причем... – громко сказал Марченко уже невзлюбивший офицера. – Мне куда скажут, туда я и привезу...

Лейтенант поставил в комнате чемодан, пропустив слова солдата мимо ушей, скользнул взглядом по пустой койке с продавленной сеткой, вздохнул и сказал Марченко:

– Поехали за имуществом.

Когда военные ушли, дед Афанасий обратился к портрету:

– Вишь, Настенька, какого жука к нам на постой опреде-

лили... Барин, туды его в кочерыжку! Руки не подал. Брезговает, значить. Ух, жизнь пойдет – кино и немцы. Так и чокнуться недолго... Жарища, а он в перчатках и нотный. Ну, чисто улоновец¹. Хватим мы с тобой горюшка...

Не понравился деду постоялец. Ох, не понравился! Да и то сказать: щегольская форма. Прическа, видимо, сработанная ещё городским парикмахером. Припорошенные пылью, но все-таки – и это было заметно – надраенные до блеска ботинки, на голове не стандартный зеленый блин с голубым околышком, а изящная, явно пошитая на заказ фуражечка, на которой кокарда была шита золотой канителью и посверкивала в свете дня игривыми искорками. Было что – то плакатное в безупречной форме офицера, в манере держаться он смахивал на белогвардейцев, которых дед видел в кинофильме “Чапаев”, и до того деду стало тошно от такого жильца, что он тихонько с досады завыл.

Афанасий жил один. Любимая Настенька давно уже переехала за околицу на дребезжащей полуторке, чудом сохранившейся в колхозе, и Афанасий, шагая по весенней распутице за машиной, не стесняясь, горько и безутешно плакал.

С годами боль поутихла, а у деда (уже деда) появилось новое увлечение – химия. Нет. Афанасия Петровича не волновала сложная структура бензолового кольца, не занимал закон Авогадро, он не старался проникнуть в способность

¹ УЛОН – Управление лагерей особого назначения. Ликвидированы в 1954 году. Отсюда – улоновец.

атомов и элементов образовывать химические связи с атомами других элементов, не знал заковыристого слова «валентность». Нет. Теория, как таковая, не будоражила сознание деда. Зато прикладная сторона этой науки вызывала у него приступы вдохновения.

А вот что будет, к примеру, если в большую емкость уложить, допустим, пять кило слив, да аналогичное количество сахара, залить водой и добавить, скажем, килограмм ячменя? А? Да дать выстояться, чтобы эта канитель перебродила. А потом взять и перегнать, а лучше дважды, а? Получится такая вещь, такая вещь... Словом, эта сторона химической науки не давала ему покоя ни днем, ни ночью.

Ух, и озлилась на него и стала кровным врагом сельская продавщица! Падать стала выручка. Вдруг в селе перестали покупать водку. Невероятно!.. Вроде и есть мужики «под газом», а водку в магазине не покупают. Продавщица была трезвой реалисткой, стояла на позициях марксистколенинской философии, то есть в мистику и чудеса не верила, а потому по привычке быстро настрочила заявление на врага народа, который подрывает устои социалистической экономики, подпольно торгуя некондиционным товаром, самогонкой, стало быть, с этим делом надо что – то решать, а иначе как же...

Лет восемь назад загудел бы дед Афанасий на южный берег Северного Ледовитого океана. Но времена изменились. Просто зашел участковый милиционер с молодым челове-

ком спортивного вида.

– Самогонкой село снабжаешь, Афоня, – взял быка за рога участковый.

– Поклеп, – отвел даже самую мысль о самогоне Афанасий.

– На вас поступило заявление, – грустя, сказал молодой человек. – Надо разобраться.

– Дак разбирайтесь, – согласился Афанасий

– Ты, Афоня, не крути, – набылчился участковый. – Говори сразу, где самогонный аппарат? Чистосердечное признание оно лучше, понял?

– Как не понять, – Афанасий потупился, поковырял носком сапога навозную кучу. – Аппарата нет, а анжинерное сооружение есть.

– От мать – перемать! – хлопнул себя по ляжкам участковый. – Анжинерное... Темнота деревенская! Лаптем щи хлебаем, а туда же...

– Поспокойнее, – поморщился молодой человек, – зачем эмоции проявлять столь бурно. Лучше, конечно, в рыло дать, но нельзя – не то время. А может он самородок, этакый абориген – левша. Нынче метит каждый атом стать науки кандидатом. – Молодой хихикнул.

– Самодурок! – психанул участковый и матюкнулся.

Молодой покривился, но промолчал.

– Покажите ваше инженерное сооружение, – попросил он. – Дак в сарай надо идтить, – сказал Афанасий.

Молодой взялся за шляпу, сдвинул её на глаза, участко-

вый решительно поправил висевший на ремне “ТТ”. То, что представители власти увидели в сарае, потрясло их, что называется до основания. В сарае громоздилось нечто опутанное проводами и трубками. Покачивались стрелки манометров, перемигивались лампочки на пульте управления, из предохранительных клапанов что – то внезапно бухало и тогда в сарае возникало некое амбре нестиранных целый месяц портянок.

Толстые экранированные трубки взволновано пульсировали, напоминая живое существо. Три последовательно соединенных трубопроводами бака из нержавеющей стали потихоньку урчали и в такт этому урчанию колыхались стрелки приборов. Всё это сооружение напоминало ракету в момент дозаправки топливом.

– Ух – х–х ты... – сказал участковый.

– Не взорвётся? – спросил молодой.

– Эскримент у первой стадии, если рассуждать теорически, – Афанасий почесал спину о косяк двери, – но могёт и бабахнуть, если без ума ворочать. Наука, поди.

– И что же вы изучаете? – любопытствовал молодой.

Спросил вежливо, без подначки, даже с каким-то интересом.

– Дак удобрение делаю на огород. Химическое. После него во какая картошка вымахивает, – дед показал какая.

– Я тебя как удобрю суток на пятнадцать! – наконец пришел в себя от изумления участковый. – Враз дурь вылетит!

Чтобы завтра всё разломал, понастроил хреновины...

– Опасно, – заметил Афанасий. – Полдеревни снести могёт.

– Вот и сядешь, век свободы не видать. А то и вышку за-работаешь.

Молодой рассеяно почесал лоб.

– Не имеешь таких прав, – огорчился Афанасий, – человеку в науке мешать. Покажь документ.

– Я те покажу! Учёный...

– Успокойтесь, – остановил участкового молодой. – Я понял, что самогон вы не варите и не спекулируете. Так?

– Так, – честно соврал Афанасий.

– Верю. Наукой занимайтесь, но если обманули, то на всю катушку... Я доходчиво объяснил?

– Чегось? – прикинулся шлангом дед.

– Я понятно изложил?

– Ага.

Участковый показал кулак и гости ушли.

– Чем бы дитя ни тешилось... – услышал Афанасий от калитки.

– Лишь бы у мамки не просило, – загоготал участковый.

– Что с него взять, старческий маразм, – добавил молодой.

Что такое “маразм” Афанасий не понял, но уловил одно – от него отвязались. И дед хитро усмехнулся. Потому как гнал он в своем сооружении всё – таки самогон, но такой чистоты и крепости, что единожды попробовавший дедов про-

дукт приходил в изумление великое, что служило, в конечном итоге, делу рекламы и неумолимому падению выручки в сельском магазине.

Отладил же всё это хозяйство один из офицеров ещё в те далекие времена, когда на аэродроме появились первые реактивные самолёты. Офицер тот был химик по образованию, служил инженером “по горючке”, как он говорил, и больше для смеха, чем для дела сконструировал и соорудил Афанасию самогонный аппарат грандиозный по размерам и немыслимый по сложности.

– Ты, дед, главное не бойся, – наставлял офицер. – Система ниппель: туда дуешь, а обратно не выходит. Эта штука, никогда и не при каких обстоятельствах не взорвется. Здесь всё просчитано по мировым стандартам, и фирма гарантирует безопасность эксплуатации. Только специалист – химик может догадаться о истинном назначении этого агрегата. А поскольку я один на всю округу, то живи долго и не кашляй.

Офицер популярно объяснил принцип действия, систему заправки и слива готовой продукции, назначение пульта управления, подарил портрет химика Менделеева и благословил Афанасия на святое дело. Через некоторое время его перевели куда – то на Запад, а дед Афанасий продолжал самостоятельно эксплуатировать сложную технику. И надо признать – небезуспешно. Вот к такому прелюбопытному деду попал на постой уже знакомый нам лейтенант ВВС.

Аэродром находился в дикой глуши, среди тайги, в узкой долине, большую часть которой занимала полноводная река и всего несколько гектаров колхозной земли. Так что взлётно – посадочная полоса одним концом почти упиралась в деревню, а другой её конец круто обрывался у берега этой самой реки. Малость неудобно да куда деваться...

Утром деревушку будил грохот реактивных двигателей, и грохот этот стал настолько привычен, что убери от деревни аэродром, то, наверняка, сразу же сократились бы надои молока и привесы в животноводстве.

Словом жителям полк не мешал. Наоборот приносил пользу. У сельчан исчезли проблемы с керосином², так как командир полка ежемесячно разрешал отпускать по ведру керосина на каждый двор, а позже нужда в нем вообще отпала. Где – то нашли военные электростанцию, сельские плотники срубили из кедра здание, полковые электрики протянули провода и однажды все сто шестьдесят домиков осветились праздничным электрическим светом. И деревня платила полку тем же: вниманием и заботой. Спустя годы, эта почти идиллическая связь поубавилась, а потом исчезла вовсе, но в описываемое время слова: “Народ и Армия – едины”

² До 1956 года в этом селе не имелось электричества, и дома освещались керосиновыми лампами «семилинейками».

имели самый прямой смысл безо всяких подтекстов, сарказма и иносказаний.

Командовал полком по – южному темпераментный, полный добродушного юмора, невысокий, сбитый плотный крепыш, родом из Армении с протяжной армянской фамилией Саакян. Говорил он совершенно без акцента, тем чистым звучным, почти литературным языком, который ныне почти не встречается в обиходной речи. И никогда не ругался. Атмосфера в полку была дружески – деловой, но, естественно, не выходящей за рамки Устава. Наверное, потому, что ещё не развеялось окончательно ощущение фронтового братства.

Самолёты куда – то улетали, откуда – то прилетали, за недалеким леском шла своя непонятная деревне жизнь и деды, лузгая семечки на завалинках, тянули многозначительно:

– Военная тайна.

По началу окликали лётчиков:

– Слышь, милоч, и далече был?

– Отсюда не видать, – отвечали парни, смеясь.

Потом попривыкли, вопросов не задавали и только молча провожали глазами крепкие фигуры пилотов. Чего спрашивать – военная тайна...

Одно время дед Афанасий крепко задумался. Весь опыт его прошлой жизни говорил, что аэроплан без пропеллера летать не может. А тут вот они – летают. Это выходило за

рамки дедовых представлений о развитии науки вообще и авиационной в частности.

И за разъяснением этого парадокса он обратился к жильцу, инженеру, как знал дед, первой эскадрильи. Инженер тоскливо посмотрел на деда, почесал затылок и пустился в объяснения, из которых Афанасий понял два слова: «мотор» и «тяга». Офицер, зевая, рисовал деду какие – то черточки, обозвав их «вектором» (а у колхозного инженера так собаку звали), и в понятии деда плёл такую чепуху, что и дураку понятно – над ним издеваются, показывая свою учёность.

– Понятно, Петрович? – спросил инженер. – Ох, голова раскалывается – не могу.

– Ага, – ответил дед и с ненавистью глянул на жильца. – Счас. Я таблетку принесу.

И принес. Сильное слабительное, которое давал кабанчику, спасая его от запора.

– Это что? – спросил офицер.

– От головы, – злорадно хмыкнул Афанасий. – Пей.

Офицер выпил, а ночью через полчаса резво вскакивал и удивленно бормоча:

«Вот черт, от чего же это меня так...» пулей вылетал на улицу. Тогда Афоню слегка вздрючили, чтобы не подрывал боеготовность полка, но не шибко так – для порядка.

В принципе дед был отомщен за антинаучное объяснение, но загадка оставалась. Наблюдая за самолётами, дед опирался на тятку и изумленно застывал. Афанасий едва не бросил

свои химические занятия, но, трезво оценив жизнь, – раздумал. Потому как загадка летающих без пропеллеров аэропланов хотя и представляла интерес с научной точки зрения, но надо было как – то жить... А увлечение химией, кроме познавательного интереса, давало ещё ощутимый прибавок к двенадцати рублям колхозной пенсии. Взвесив все «за» и «против», Петрович остановился на химии, отложив разгадку тайны аэропланов до лучших времен. На что только не пойдешь ради любимой науки...

За окном продудел «ГАЗик». Дед поморщился.

– Принесла нелегкая, – проворчал он. Марченко с помощником солдатом начали носить офицерское хозяйство. Матрас, бельё постельное и одежда. А у деда аж в глазах зарябило от разных тужурок, курток, ремней. Тут Афанасий наглядно убедился чего стоит государству один человек. И возникшее при самом первом появлении лейтенанта раздражение, непонятным образом усилилось до размеров невероятных. Дед в сердцах пнул дорожку так, что она змейкой поднялась в воздух, и выскочил на улицу. Лейтенант стоял, повернувшись лицом к огороду, и о чём-то думал, а может и нет. Афанасий с грохотом распахнул дверь коридора, подошёл к офицеру и раскрыл рот, чтобы высказать наболевшее и предложить поискать другую квартиру, так как он мужик простой и к барам не приучен, а “белогвардеец” ему в доме вроде, как и не к чему.

– А – а–а, Петрович, – опередил деда лейтенант, – погля-

дите какая прелесть: лужок, коровки, закат и пастушок со свирелью.

В самом деле, за огородом соседский парнишка приглядывал за коровой с телятком. И вправду над сопками пламенил закат, а за огородом образовалась поляна – бывший дедов огород. Афанасию крыть было нечем. Да и говорил офицер голосом чуть печальным, без подначки.

– Дык, – начал дед смущенно, – было у меня полста соток. Вроде и много, а я с измальства к работе приучен, управлялся. А тут, вишь, – реформа, туды её в кочерыжку, почали резать. Вот и взрезали пологорода. И чё? Ни себе, ни людям. Заросло всё.

– Мудрость вождей безгранична и не нам, Петрович, их судить. Задумано было почти гениально, но... А что в сарае так тревожно булькает? – сменил офицер тему. – И запахи до боли знакомые. Я даже начал испытывать давно забытое волнение. Что там?

– Ну, чё... Чушка, куры. Антересно? Ничего там нет!

– Да? – повернулся лейтенант к деду.

– Да, – упавшим голосом буркнул Афанасий.

– Ну и ладно, – неожиданно согласился лейтенант. – Я просто так спросил.

– Ага, – Афанасий облегченно вздохнул.

– Всё, товарищ лейтенант, – доложил Марченко.

Всё так всё... Свободны бойцы, спасибо.

Солдаты ушли, а Петрович, оставшись один на один с

жильцом, как – то обрел. Лейтенант не был похож ни на одного из квартировавших у него офицеров. Во – первых, он не предложил «обмыть» новое жильё, во – вторых, вроде, и говорил с дедом на равных, но уже от одного взгляда лейтенанта Афанасия подмывало вытянуться и отдать честь. Было и, в-третьих, и, в-четвертых, но во всех чувствах дед ещё до конца не разобрался, а потому кашлянул, но офицер опять его опередил:

За околицей слажено пел девичий хор и не хор даже, а так – девичьи посиделки:

«Ой, цветет калина,

В поле, у ручья...»

– Хорошо поют... Здорово, правда? – спросил лейтенант

– Да что б их разорвало! – в досаде сказал дед Афанасий. –

Спать не дают, кожный вечер воют.

– Петрович, ну, хорошо же поют!.. На два голоса... Ах, черт, заслушаешься...

– Наслухаешься ещё... – сказал Афанасий.

За околицей слышен девичий визг, какие – то крики и чей-то хриплый голос, «включенный» на всю мощь.

Вот получим диплом,

Хильнем в деревню.

Будем трактором там

Пахать мы землю.

– Стиляги пришкандыбали, – пробурчал дед Афанасий из коридора. Анжинер с механиком. Городскую песню заве-

ли... Тьфу!

– Неужели инженер? – засомневался лейтенант, подрагивая от смеха.

– А кто же ещё? Он у нас один на гитаре грае. Хлопцы просто брынькают, а он грае. Так что интересно... Как почнет пальцами по струнам шкрябать – душу выворачивает, а, как вечер – дурака валяет. Вот чо так?

– Чужая душа – потемки, – не стал развивать тему лейтенант, – не знаю.

– То – то и оно... В потемках легче девок щупать.

– Ну-у, Петрович... Пошли в дом. Завтра вставать рано.

* * *

Хрупок сон старого человека, недолог. Молодого поди до-толкайся, а пожилой – чуть заиграла зорька – уже на ногах. Особенно в селе да ещё при хозяйстве.

В шесть утра Афанасий проснулся, кряхтя, обул кирзовые сапоги и удивленно уставился на дверь жильца. Она была раскрыта. Постель аккуратно прибрана, а где же сам?... С аэродрома доносился гул двигателей. Село просыпалось.

– М – м–да-а-а, – промычал Афанасий и потер небритый подбородок, – дела, однако.

Дед покормил живность: кабанчика, кур и козу Машка, сходил, проверил, как чувствует себя «анжинерное сооружение», тоскливо поглядел на огород – и на кой мне столько

картошки одному... поставил на керогаз чайник. Грохнула калитка, и показался взмыленный лейтенант. Дед удивления не показал, спросил равнодушно:

– Далече носило?

– До со – сед – не – го се – ла, уф! – выдохнул лейтенант.

– Хе! – сказал дед. – Мастак ты врать, паря. Туды – сюды – двадцать километров.

– Да, – подтвердил лейтенант, – я по километровым столбам проверял. Ровно десять, если в один конец.

Дед засопел недоверчиво и сказал, снова закипая:

– Исть будешь?

– У себя в столовой, – коротко ответил жилец.

– Вольному – воля, – буркнул дед.

Вот постояльца занесло, мало что нотный, так ещё и брехун. Нет, ну по правде сказать, не жеребец же: за каких-то полтора часа двадцать километров отмахать... Лось и тот, поди, умается.

День быстро разгорался, солнце припекало от бодрящей утренней свежести не осталось и следа. Дед испил чайку, настоенного на зверобое – для укрепления здоровья, – и разморенный теплом, струящимся с небес, клюнул носом.

* * *

– Ноль пятый, – сказал раструб громкоговорителя, – кхе! Вот черт... Ноль пятый, давление – 740, ветер – встречно –

боковой пять метров, видимость – десять километров, нижняя кромка облаков – четыре.

Громкоговоритель закашлялся, громко чертыхнулся и замолк. Потом толи свистнул, толи хмыкнул и молодой голос произнес:

– Вас понял. Кислород открыт, чека снята, кресло раскон-
трено, на исполнительном. Разрешите взлёт.

Громкоговоритель зашелся в кашле и сказал:

– Проклятая аллергия... и добавил. – Взлёт разрешаю.

Слава Синдеев – техник – лейтенант второй эскад – рильи – заметил:

– Хорошо, что ещё по матюгальнику не запустил и засмеялся.

А на СКП³ говорили.

– Он меня понял, – произнес штурман полка с иронией. – А вообще-то зря. Надо бы хоть провозной дать.

– Не учи меня жить, – ответил Саакян, – у парня такие аттестации, что тебе и не снились. Чего за руку водить? Впрочем, есть ещё один аргумент в пользу этого вылета.

– В полку давно не было даже предпосылок к лётным происшествиям, – заметил штурман.

– И не будет.

– Дай бог, – сказал штурман, закашлявшись, – но я бы всё – таки проверил технику пилотирования.

– Сходил бы ты к бабке, пусть пошепчет, – посоветовал

³ СКП – стартово – командный пункт.

командир. – Чёрте что, военный человек, а кашляешь как туберкулезник. Может тебе в госпиталь залечь?

– Какой госпиталь!? Из родника воды хлебнул и видишь, что творится?..

– Так не хлебал бы... А то несешь про аллергию на весь аэродром...

– Это для народа, – хмыкнул штурман.

– Загляни вечером к деду Афанасию, – усмехнулся командир. – Враз вылечит.

– Это совет или приказ? – осторожно спросил штурман.

– Это совет с приказом.

– Я бы все – таки... – начал штурман опять.

– Поздно. Уже начал разбег, – сказал командир, – теперь что уж... Над аэродромом стлался гул двигателя, самолёт стремительно бежал по бетонке.

– В нашем полку всё по – армянски, – усмехаясь, говорили летчики. – Коньяк, шашлык и... полёты.

Словом, лейтенант взлетел без «провозных», так как кроме всего прочего был ещё таинственный аргумент.

– Кхе... Чёрте что... – сказал штурман, который в этот день был руководителем полётов. РП, если короче.

– Дай сюда микрофон, не кашляй, всех ворон распугал, – командир отодвинул штурмана и посмотрел на зеленоватый экран радара.

Облака стелились внизу пушистым белоснежным ковром. Они то сворачивались, то громоздились причудливыми вершинами, то среди них возникали бездонные промоины, и тогда земля приобретала те волнующие воображение очертания и краски, которых никогда не увидишь, если не поднимался в небо. Солнце сверкало и блеск его, отражаясь от облаков, уже мешал. Летчик опустил светофильтр и теперь стал похож на иллюстрацию к фантастическому роману с пристёгнутой кислородной маской и щитком светофильтра, в котором отражалась часть приборной доски и яркое пятнышко солнца. Ни дать, ни взять – пришелец с Альфы Эридана.

– Ноль пятый, – прошелестело в наушниках, – пройдешь над точкой с имитацией посадки, затем строишь «коробочку» и с четвертого разворота, как учили...

– Вас понял, – ответил ноль пятый.

– Слушай, – осторожно заметил РП, – а не много для первого раза? Может пусть колеса выбрасывает да и садится?..

– Всё будет по первому разряду. Не психуй.

– Я надеюсь на тебя, – опять прошелестело в наушниках.

– Не подведу, – коротко ответил ноль пятый

Горизонт вздыбилось, перекошилось и самолёт, описывая размашистую дугу, прочертил на синем куполе неба белый рас-

ПЛЫВЧАТЫЙ СЛЕД.

* * *

Проводив самолёт, техник – лейтенант Славка Синдеев присел на баллон сжатого воздуха и сорвал травинку. Славка среднего роста, волосы цвета льна, простодушное лицо и двадцать два года от роду. Искреннее желание осчастливить Вооруженные Силы своим присутствием привело его в армию, а любопытство и тяга ко всему новому – в авиацию.

В военном училище долго ломали голову, как быть: по знаниям курсант Синдеев тянул на Ленинского степендианта, а стало быть, и на золотую медаль, а по поведению – плакал о нем штрафной батальон.

Вручая офицерские погоны Синдееву, начальник училища сказал:

– Поздравляю вас, лейтенант, и помните, если вас минует суд офицерской чести, то быть вам генералом, – и добавил шёпотом. – Не дури, Слава.

После торжественного марша, когда оркестр выдувал «Прощание славянки», а вверх летели пятаки, собранные для этого случая в течение года, что – то в нем переломилось, и весь день он был тих и задумчив. Таким и прибыл в полк. Тишь и благодать таежного края поразили Славку, убожество деревни – огорчило, а наличие вскормленного на молоке и свежем воздухе женского населения возрастом от восемна-

дцати до двадцати трех – вернуло душевное равновесие.

– Из вундеркиндов? – спросил Саакян, ознакомившись с документами.

– Так точно, – ответил Славка, – из них.

– Ко мне кого попало, не шлют, – заметил Саакян. – Нашу технику знаете?

– Как свои пять.

– Жизнь покажет, – философски заметил командир.

Славка промолчал, но по лицу поползла улыбка. Командир глянул на лейтенанта, повертел в руках штурманскую линейку, посмотрел в окно и спросил:

– Будем служить или?..

– Служить, не щадя живота, – истово сказал Славка, – но не откажусь и от «или».

– Прямота хорошее качество, правда, опасное – было до недавнего времени, – поправился командир. – М – да – а – а... Ладно. Здесь не училище. От вашей работы будет зависеть жизнь людей. Не до взбрыков, знаете ли... Такие дела, техник – лейтенант. Свою «губу» мы ещё не построили, да как-то и особой надобности не наблюдалось, а возить за тридевять земель – накладно. Как будем жить?

– Нормально, товарищ подполковник. Согласно уставу, стойко перенося тяготы армейской службы. Что прикажете, то и перенесем.

– Надеюсь, – улыбнулся Саакян, – да, при случае загляните к завклубом, подозреваю, споётесь. Свободны.

Словом, техник – лейтенант Славка Синдеев сорвал травинку и куснул её. Где – то очень далеко возник инверсионный след и быстро потянулся к аэродрому. Нет. Славка не завидовал летчикам. Медицина, нервы, постоянный контроль за здоровьем, чуть что не так... Не полёты, так учёба, разные занятия, весь в заботах, весь в напряжении. Вот прилетит сейчас: разбор полётов, замечания, наставления, да покажи, да расскажи, да начерти. Ох, морока... Никакого романтизма. Мужики, конечно, классные, но мне это не надо. То ли жизнь! Проводил самолёт и грей пузо на солнышке.

Фасонил Славка. И у него имелись заботы, проблемы и даже неразрешимые вопросы.

Самолёт из точки, где – то далеко на горизонте, превратился в аппарат, громыхнул над аэродромом гулом двигателей, плавно снижаясь. Славка прямо ощутил, как стукнули вывалившиеся шасси, становясь на замки, и с интересом наблюдал.

Хотя он и не так давно служил в авиации, но знал и видел, как долго нянькаются с молодёжью, прибывшей в полк из авиационных училищ.

А тут на тебе, только пришел и сразу самостоятельный вылет. Впрочем, за самолётом наблюдал, пожалуй, весь полк, не только Славка, потому как случай не вписывался ни в какие рамки. Он прикинул, если всё и дальше будет так происходить, то уже получится не посадка, а похороны. У нас, как на авианосце, подумал Славка, просчитался и ныряй в речку.

А происходило вот что, машина пронеслась над взлётной полосой, едва – едва не касаясь бетонки, взревел двигатель и, резко набрав высоту, самолёт растворился в небесной синеве.

– Цирк! – выдохнул Славка. – Это, как пить дать, отстранение от полётов. Что вытворяет, а? Он выплюнул изжёванную травинку. МиГ хорошо просматривался в безоблачном небе. А там ничего захватывающего и не происходило. Строго выдерживая заданную высоту, самолёт «выстроил» четкий квадрат и со стороны деревни пошёл на посадку. Славка в голос чертыхнулся.

Хлопец нарывается на хорошую дыню от начальства. Грубо нарушается конвенция, а это чревато... Да – а–а, лётчик ты, видать, не слабый, но хулиган изрядный. Ладно, досмотрим это кино до конца, хотя... Славка почесал затылок, – ещё не было в полку человека, который бы предугадал решения нашего армянина.

Истребитель снижался, оставляя за собой легкий дымный шлейф. Вот он пролетел в метре над землёй, мелькнул весь в пятнах защитной окраски, облачком пыхнул за ним парашют и самолёт побежал по бетонке, гася скорость.

– Высокий класс, – растеряно сказал Славка. – И не подумаешь, что новенький.

* * *

– Тю – тю – тю – тю, – звал дед Афанасий кур, жменями раскидывая по траве кукурузу.

Пестрые, рябенькие, серые – они налетали на зерна, а петух гордо возвышаясь над своим заполошным гаремом, изредка тюкал в траву клювом.

– Как с голодного краю, – проворчал дед Афанасий, – и когда только нажрутся – не понять...

Ш – ш–ш–ш – зашелестело в небе, и вдруг на дворик обрушился грохот, куры прыснули кто куда, а дед присел с испугу. Истребитель низко прошел над деревней и скрылся за лесочком, а дед озадачено посмотрел вокруг, не зная, матюкнуться по этому поводу или оставить это дело без последствий.

– Однако могу и психануть, – сказал он неуверенно. – Это чо ж творится, а? Так ить и не накормишь эту прорву... Видать, психану.

* * *

Истребитель зарулил на стоянку, взвыв, начал замирать двигатель и пошел вверх прозрачный фонарь кабины. К стоянке подходили офицеры, подъехал командир полка, наблю-

дали.

Синдеев приставил стремянку, поднялся к кабине, помог летчику освободиться от систем и парашюта.

– Как? – спросил Славка.

В ответ лейтенант только подмигнул и легонько коснулся плеча техника. Славка спустился на землю, следом спустился летчик и подошел к Саакяну.

– Товарищ подполковник, учебное задание выполнено, разрешите получить замечания.

Несколько секунд Саакян молчал, разглядывая офицера. Глаза веселые, настроение, видать, отменное. Он усмехнулся.

– Молодцом, ничего не скажу, есть, правда, незначительное «но». А в целом – молодцом, – и ко всем. – Разбор полётов через два часа. Повернулся и пошел к машине.

* * *

Вечером дед Афанасий встретил жильца хмуро. Он кряхтел, мялся, а потом спросил:

– Кто у вас там такой умник?

– Я думаю все. А что случилось?

– Да ничо... Просто все от речки садятся, а этот через деревню попер. А командир селянам обещал, что ни один аэроплан через село садится не будет, потому, как он гутарит, шуму много, хотя через деревню и сподручнее.

– А – а–а, так это я, дед.

– Ты?!

– Я. Дед от расстройства зачерпнул ложку соли, высыпал в стакан с чаем и стал задумчиво помешивать. Лейтенант с повышенным интересом стал наблюдать.

– И чего лыбышился? Кур усех распугал, у меня нерву скрутило...

– Так, – лейтенант пожал плечами. – Я слышал об оригинальности аборигенов Дальнего Востока, а вот теперь убеждаюсь, что мне говорили сущую правду.

– Чо – чо? – насторожился дед, сбитый с толку мудреными словами. – Распугал курей и ещё обзывается... Петух отказывается кур топтать, напужавшись, тоже мне...

– Пейте чай, – предложил лейтенант, – он благотворно влияет на кровеносные сосуды и вообще, – он сделал округлый жест, – на организм. А я пока газеты просмотрю.

Дед намазал масло на шмат хлеба и осторожно посмотрел на стакан. Чай как чай... И до чего же занудливый человек, не знает к чему прицепиться. Каждый пьет, что может. Кто чай, а кто...

Дед Афанасий хихикнул и сделал большой глоток. Проклятия, что огласили комнату, вероятно, были услышаны и на аэродроме. Дед посулил сто чертей лейтенанту, его будущей жене, вспомнил чью – то мать, с которой, вроде бы дед Афанасий состоял в интимной связи, а потом перебрал всех соседей по улице и их родственников.

– Загубили, гады, ох, загубили!! – вопил дед на весь дом. Лейтенант трясся от смеха.

* * *

– Вот, – сказал командир второй эскадрильи обвел глазами офицеров, – то, что батя доверяет аэроплан без вывозных⁴, это его личная трагедия. Даже самое лучшее училище не даёт летчику нашего профиля необходимой подготовки. Училище выпускает заготовку – удачную или не очень, это вопрос другой – шлифовка происходит в полку. Я хочу, чтобы отдельные граждане до конца уяснили этот момент.

Комэск не называл ни звания, ни фамилии, но лейтенант понял – обращение в пространство относится именно к нему и ни к кому больше. Однако на «разгон» или недовольное высказывание это не походило потому, как большинство офицеров сидело свободно и, вроде как, с юморком относилось к речи комэска.

– Что касается конкретно вас, товарищ Суздалев, то ошибка в следующем – не пугайте кур на деревне. Заход на полосу только с курса 270.

⁴ «Вывозные» – проверка техники пилотирования молодого летчика, или вернувшегося из отпуска. Полёт пилота с инструктором. Выпуск летчика без проверки, строго говоря, грубое нарушение требований НПП (наставления по производству полётов), но было, видать, некое «но», раз командир полка пошёл на это...

– Но его так навели, – возразил курчавый капитан, обернулся и подмигнул лейтенанту. – Откуда ему знать, что между деревней и полком заключено мирное соглашение. Да и на СКП сам батя был...

– Петровский, я в курсе ваших блестящих адвокатских способностей, но перебивать старших по званию в ВВС не принято.

– Сам батя навел, – прогудел чей – то голос сбоку, – что тут молодого драконить...

– Уже и страху не нагнать, – улыбнулся, наконец, комэск. Ладно, не получилось и не надо. Итак, лейтенант Суздалев, авиация – это постоянная учеба, согласны?

– Фигурально выражаясь, на все сто.

– Отлично. А потому, на этой неделе зачет по материальной части, на следующей – будете сдавать штурману полка зачет по району действий. Ну, а мне НПП. Вопросы есть? Вопросов нет. Все свободны.

И снова учёба. Лейтенант плотно сел за учебники, зашелестел картами. Что – то чертил, строил графики, исписывал листы формулами, приводя в изумление деда.

– Это ж по – каковски? – спросил Афанасий, заглядывая через офицерское плечо в тетрадь. – И на буковки не похоже. Одни крючки.

– Это, дед, астрономия.

– А при чем тут магазин? – удивился Афанасий.

– Какой магазин? – лейтенант уставился на деда. – Я с тебя

удивляюсь, Петрович.

В глазах лейтенанта ещё отсвечивала «дуга большого круга», ортодромия с локсодромией, путевой угол со скоростью ветра и целый ряд созвездий. Мыслями он был там, за облаками, где небо постепенно утрачивает голубизну, ненавязчиво переходя в черно-фиолетовые тона. Потому и ответил деду на жаргоне одесских биндюжников.

– Сам говорит, и сам спрашивает, – огорчился дед. – Ты, паря, хоть и шибко ученый, а себе на уме я вижу...

До лейтенанта медленно дошло.

– Петрович, астрономия – это наука о звездах, её практическое использование заключается в отыскании своего места в пространстве: море или воздухе. Понятно?

– Дык... – начал дед.

– Подожди. Я букву «г» говорил?

– Нет, кажись...

– Так вот, гастрономия – это магазин, а астрономия – это наука.

– Дык... – опять заикнулся дед.

– Не морочь мне голову, Петрович, – лейтенант углубился в свои дела и забормотал. – От исходного пункта маршрута...

Дед почесал затылок.

– Дюже ученый, куды нам...

Любовь! Эх, мама родная!.. Как говорил Великий Конфрансье: “Не в стиле я страдала – страданула, но исключительно в стиле ля мур, тужур, бонжур”.

Тут надо заметить, что лейтенант Суздалев, несмотря на свои почти тридцать лет, как – то не обзавелся ни женой, ни, соответственно, чадами. Сначала Московский авиационный, учеба в аэроклубе попутно, затем полёты уже не любительские, а профессионально, затем знаменитая ШЛИ⁵ и служба... ну об этом позже, как – то не оставили места для личной жизни.

Не сказать, чтобы он сильно переживал по этому поводу, но нет-нет, да и тормозился взгляд то на ножках, то на фигуре, то... словом, глаза отмечали у женщин отдельные детали, будоражащее воображение мужчины, если, конечно, это нормальный мужчина. А лейтенант Суздалев относил себя именно к таким.

– Юра, – говорили сослуживцы, – пора, брат, пора. Мой киндерёнок⁶ уже в садик бегает, а ты всё резину тянешь.

– Да куда мне, – говорил Суздалев, – старому больному человеку...

Сослуживцы посмеивались, а он так и оставался в гордом

⁵ ШЛИ – школа летчиков – испытателей.

⁶ Kinder – ребёнок (нем.)

одинокестве. И кто бы мог подумать, что здесь, в этой глуши, судьба прихлопнет его козырным тузом.

Лейтенанту потребовался «Справочник по общей физике», чтобы найти пару формул из области электричества. У здания колхозной библиотеки лениво греблись куры, два поросенка тыкались розовыми пяточками в брюхо матери, что лежала в придорожной пыли, блаженно щурясь на яркое солнце. А на крыльце сидели три парня. Осоловело – жарко – глядя на прохожих, лузгали семечки. Мыли косточки библиотекарьше.

– А что с неё толку? Красивая ну и что? Корову подоить не может, такую навоз в коровнике чистить и заставить как – то совестно. Опять же – ни сено грести, ни в огороде работать... Того и гляди перетрудится и в обморок. Возись с ней. Не – е–е–е, такая баба в доме ни к чему. Да и грамотная дюже. С ней и поговорить не о чем...

– Привет орлы! Библиотека открыта?

– Не видишь, что ли?

– А что обсуждаем – спорные вопросы Римского права или существование жизни на Марсе?

– Ещё один умник нашелся... Ты, лейтенант, полегче на поворотах..

– Всё – всё, молчу...

– Так я не понял, – сказал один из парней, – он нарываяется, что ли?..

– Сиди и не дергайся, – остановил его сосед. – Три дня

назад Никола свою Лушку буцкал, а потом схватил лом и погнался за ней по улице.

– И чо?

– Да ни чо! Никола живет на той же улице, что и Афоня. Ну вот, а это лейтенант видит – убьет бабу – то, вышел на улицу и одной рукой взялся за лом и вместе с Николой забросил в огород. Мне потом Никола рассказывал, что он так ничего и не понял. То за Лушкой бежал, а то лежит и морда в грядке. Я, хлопцы, как – то огородами – часа в три ночи – зашел к Афоне на усадьбу... Смотрю, а за домом лежат железки. Одна, вроде, как штанга, из колес вагонетки сделана, по два колеса на одном конце. И гиря, здоровая такая... Попробовал поднять, еле от земли оторвал. А ты знаешь, я мешок с зерном запросто на плечи закидываю. Так что скажу честно, этот лейтенант – здоровый конь, лучше с ним не связываться.

– Да я чо... Пусть живет...

Он не надеялся найти столь мудреный учебник в этом захолустье, но попытка не пытка, как говорят. Взяв эту мысль на вооружение, он и заглянул в сельскую библиотеку. Вот тут – то шаловливый хлопец с крылышками спешно приладил к луку стрелу и, не целясь, пальнул. Видать хлопец этот был из ангельского спецназа, потому как стрела попала лейтенанту прямо в сердце, и он застыл столбом на пороге библиотеки.

Рассказывают – уж не уверен, правда или анекдот, – что когда известный полярный исследователь Фритьоф Нансен

отправлялся в очередную экспедицию, то брал на борт своего судна самую страшную эскимоску. И вот, когда она начала ему нравиться, он возвращался.

Но за библиотечной выгородкой сидело не чучело, не отставная учительница или агроном на пенсии, а симпатичная молодая девушка в крепдешиновой блузке лимонного цвета, с ярко-голубыми глазами, и, с уже вошедшей в моду причёске «офицеры за мной». Ломая стереотипы интеллигентных барышень местного бомонда, очков она не носила, хотя, как это выяснилось позже, слыла на деревне девушкой, безусловно, грамотной и культурной, так как окончила библиотечный техникум. Словом, библиотекарша оставалась одна. Нет, конечно, были у неё знакомые офицеры. Но так, легкий флирт – не более.

Итак, с лейтенантом приключился легкий столбняк. Он огляделся. С правой стороны его пристально разглядывал из – под косматых бровей деревенский граф Толстой, слева – уголовник Достоевский, прямо на лейтенанта уставился корнет Лермонтов в гусарском мундире Павлоградского полка. Секундное замешательство лейтенанта прошло и он заметил:

– А ничего, теплая компания.

Библиотекарша подняла голову, взмахнула длинными ресницами, и обдала офицера синим пламенем своих глаз.

– Вы по делу или потрепаться?

Лейтенант выдохнул воздух.

– По делу.

– Только не говорите, что все дела решаются в ресторане или на пикнике под шашлык и сухое вино. Тут, кто из ваших не придет, так обязательно... – она досадливо махнула рукой.

– Как – нибудь, если у вас будет настроение, тему ресторана мы обязательно затронем. А пока мне нужен справочник по общей физике или учебник. Вузовский, разумеется.

Вы серьезно? Если серьезно, то оглянитесь: это деревня, у нас школа – четырехлетка. Какой вузовский учебник?.. Не морочьте мне голову, лейтенант.

– Верю. Но был случай, когда в Сочи завезли тулупы и валенки, а в Анадырь – это уже полярный круг – маски и ласты для подводной охоты. Что вы удивляетесь... Не сочтите за труд посмотреть, а вдруг?

– Нет, правда, вам нужен учебник?

– Позарез!

– Ой, не знаю. Посмотрю.

– Да уж, пожалуйста.

Библиотекарь встала, и сердце лейтенанта вторично ухнуло. Модная юбочка «колокол» позволяла оценить стройность ног и подчеркивала изящность фигуры. Ох, дьявольщина!.. Недаром весь гарнизон бросился перечитывать Майн Рида, Купера, и Джека Лондона. Красивые издания этих авторов притягивали взгляд каждого входящего. Он едва не забыл, зачем пришёл

– Удивительно, – сказала библиотекарь, – как же я не за-

помнила... Есть. Но не общей физике, а для ВТУЗов. Подойдет?

– Да. Запишите.

– Ну, тогда я должна заполнить на вас карточку.

Офицер протянул ей удостоверение личности, и библиотекарь переписала его данные.

– Вот, товарищ Суздалев, распишитесь в получении.

– Это не честно, – сказал лейтенант. – Вы теперь обо мне знаете всё, а я не знаю даже вашего имени.

– Рита, – сказала библиотекарь и поправилась. – Маргарита Александровна.

– Я надеюсь, Маргарита Александровна, что мы с вами ещё встретимся?

– Если книгу собираетесь возвращать, то, наверное, – усмехнулась Рита.

– В самом деле, – облегченно рассмеялся лейтенант. – Верну, конечно.

Странное смущение овладело Ритой, когда дверь за офицером закрылась. Она взяла карточку и ещё раз прочитала: «Юрий Владимирович».

– Юра, – прошептала она, закрыла лицо руками и почти сквозь слёзы. – Ой, мамочки!..

Видать, подлый пацан выпустил не одну стрелу, а две и обе точно в цель. Вот что делается, когда карапузу доверяют лук и стрелы да ещё оставляют без присмотра.

– Ты чё такой? – спросил дед Афанасий, когда офицер

вернулся с толстой книжкой в руках.

– Какой?

– Не в себе как бы. Будто тебя пыльным мешком из – за угла шарахнули.

– Похоже?

– А то... И – и–и–и, – обрадовался дед, заметив книгу. – У библиотеке был!

– Точно.

– Девка знатная. Как раз под тебя. Да тут не один ты дорогу топчешь, но врать и возводить поклеп не буду – всем отворот. А уж как вертелись, как вер – телись... Ни одному не пролезло. Нет, я серьёзно, строгая девка, если и даст, то только мужу.

– Да ладно тебе, дед, – лейтенант ощутил, что краснеет. – А чё ты заалел, аки девица красная? – усмехнулся дед Афанасий. – Дело житейское, брат, и никуда от него не денешься, какой ты не был вчёрный. Жизнь, – туды её в кочерыжку, – вздохнул дед.

– Знаешь, Афанасий Петрович, – сказал вдруг лейтенант, – а заводи-ка ты свой космический корабль, да так чтобы слитого топлива хватило на весь полк. Финансирование проекта, так сказать, обеспечу. К зиме женюсь.

– Есть, командир, – вытянулся дед. – А если...

– Если крепости не сдаются, их берут штурмом, Афанасий Петрович.

– Ить, едрить твою тудыть! – востепенулся дед Афана-

сий. – Это по – нашему. Пойду делать штурманский расчет.
– Давай, Петрович, – усмехнулся офицер.

* * *

– Пять – пять – пять, – сказал командир полка. – Так?

– Либерализм, – вздохнул штурман, – в нашем деле всегда вылезит боком. Отсюда уточнение: четыре – пять – пять. На такой вариант я согласен.

– Пусть так, – кивнул головой командир, – но зато «четыре» твердое.

– Я бы не стал так категорично утверждать. Пожи – вем – увидим.

Три командирские пятерки означали, что лейтенант знает на «отлично»: материальную часть – самолёт, стало быть, и все, что на него нацеплено или можно нацепить, район действий полка, соответственно карты и прокладку маршрута, технику пилотирования, понятно, что в теории и что недавно было показано на практике. Штурман сомневался в верности командирской оценки. Наверное, в этом была своя логика. Чтобы знать район, над которым летаешь, как карманы своих штанов, нужно прослужить и не год и не два. Потому как сопка на карте – это одно. А сопка натуральная с её высотками, воздушными потоками, с отдельно стоящими могучими кедрами ну совершенно другое. А вдруг над этой сопкой да на малой высоте, да налети туман – в этих местах

не редкость – тут все тонкости знать надо. Нет и ещё раз нет. Четыре и то много. Конечно, у бати своя методика, но бережного Бог бережет. Не почту парни возят, не почту...

– Свободны, лейтенант Суздалев, – вспомнил командир полка об офицере.

Суздалев поставил указку в подставку, щелкнул каблучками и вышел.

– Тебя послушать, – пыхнул командир, – так в полку одни тумачи! Парня на крыло надо ставить?

– Кого? – Изумился штурман. – Его?! Да он сам тебя летать научит! Я видел, как он машину посадил. Блеск! Это почерк не желторотого лейтенанта – асса. Что ты мне тюльку гонишь о бедном несмылёныше, которого за ручку надо водить. Этот лейтенант, ещё тот лейтенант. А к слову, сколько ему лет?

– Двадцать восемь, а что?

– И до сих пор лейтенант? Что – то тут не то... – Да всё то, – поморщился Саакян. – И при чем тут звание?.. Сегодня лейтенант, завтра – подполковник. Если у тебя снять звезду майора, ты что, утратишь профессионализм штурмана?

– Да за что у меня звезду снимать! – изумился штурман.

– Слава богу, не за что. Это я так, к примеру.

– От твоих примеров можно инфаркт заработать...

– Ну – не знаю, – гнул своё командир, – у парня феноменальная память...

– А у меня что? Топографический кретинизм?

– Я так не говорил.

– Но ты намекаешь.

– Ничего я не намекаю. Не сбивай меня с мысли.

– Да знаю я твои мысли... Кому – то в округе или бери выше – в генеральном штабе, хочется быстро протащить хлопца на самый верх. Тебе приказали – ты выполняешь. Да хрен с ним! Ставь пять и забыли.

– Нет, ты баран, – озлился Саакян.

– Я бы попросил, товарищ подполковник...

– А я бы попросил не молоть чепухи. Если не обладаешь всей информацией. Сам же говоришь – асс. Какого же чёрта!..

– Поговорили, – хмуро сказал штурман.

– Не нарывайся, – мрачно ответил Саакян. – Дело не в оценке. В конце концов, я могу с тобой согласиться, но есть...

– Опять это «но»?

– Да. – Загадки, загадки, – поморщился штурман.

– Всё станет известно своевременно, – сказал командир, – или чуть позже.

– Ладно, поговорили. Выяснили, что я баран, а что с оценкой?

– Ох, зануда, – махнул рукой командир, – ставь четыре. А за «барана» извини, сорвалось.

– Все мы люди, все мы человеки, – вздохнул штурман, – у всех нервы...

– Дед Афанасий! Афанасий Петрович!

– Чегось! Кого там принесла нелегкая?!

– Да соседка ваша.

– А – а–а, Галина... – дед прошаркал подошвами к калитке. – Чего тебе?

– Офицер ваш дома?

– И – и–и куды загнула... Полёты у нас, милая, не до тебя ноне. – Опять же, – дед поковырялся в носу, сморкнулся, – зачётов прорва. Одну гастрономию сдать, поди, умаешься. Так что вали отседова, Галка, некогда нам с тобой разговоры вести.

– А что это вы за него распинаетесь? Я может по общественной линии...

– Знаю я вашу линию. Сначала – дома али нет, а потом пошли, Юрий Владимирович, в сельсовет.

– Да нужен он мне, Афанасий Петрович, по делу.

– Знаю я ваши дела. От этих делов у Нюрки в магазине распашонки нарасхват. Гуляй, девонька, мы люди сурьезные. Не до баловства нам.

– Старый пень! – взвелась Галка.

– Чеши – чеши отседова! Я от твоей мамке расскажу, как ты к старым людям уважение имеешь.

– Шибко напугал! – крикнула Галка.

– Ну что за люди... Вот жизнь пошла?! – возмутился дед Афанасий. – У нас полёты, учёба, а тут пристают черте с чем...

Афанасий прошел в глубину двора и занялся исследованием сарайчика. Доски кое – где подгнили, надо бы заменить, да и вообще...

– Петрович! – окликнул молодой голос. – Добрый вечер.

– Здравия желаем, – буркнул Афанасий. – Одолел науки – то? – Одолел, – вздохнул лейтенант, – завтра в зоне будем работать.

– А за что тебя так?

– Что?

Дед уставился на лейтенанта, почесал затылок.

– Не успел приехать, а тебя уже в зону, видать, где – то крепко нашкодил. А может ты шпиён японческий?

– Это другая зона, – усмехнулся лейтенант, пропустив замечание насчет шпиона. – Смотри, Петрович, – он присел рядом со стариком, взял прутик, начертил квадратики на земле. – Смотри. Небо над нами поделено на условные зоны. В этой, например, стрельбы по воздушным целям, в этой ещё что –нибудь, а здесь, скажем, отработка пилотажа. Понятно?

Дед с сомнением поглядел в небо. Оно было совершенно чистым, лишь на самом горизонте лохматилось белое облачко.

– И кто ж его чертить?

– Я же говорю – условно поделено.

– А как же...

– Находим зону, да? – Ага.

– Петрович, ты карту видел?

Сколько раз и чо?

Лейтенант удержался от улыбок, замечаний, и начал объяснять Петровичу про широту и долготу. Дед слушал внимательно, не перебивал, не вставлял едких замечаний и было похоже, что он понимает.

– Ага, – сказал, наконец, дед, – теперича понятно. Значится, ты на карте намечаешь координаты этой самой зоны и там наяриваешь, так?

– Ну, Афанасий Петрович, ну – голова! Совершенно верно!

Дед гордо расправил плечи, а лейтенанту почему – то теплый комочек подкатил к горлу.

– Тут соседка приходила, – сказал дед. – Интерес к тебе проявляла по общественной линии.

– Хорошая соседка?

– Шалава! – яростно сказал дед. – Обозвала меня старым пнем...

– Здесь она в корне не права, – заметил лейтенант. – Мы ещё мужики ого – го, да, Петрович? И не старые, а повидавшие жизнь. Что эта соседка понимает?

– Пошли в дом, – засуетился Афанасий, – яечко поджарим с салом. Любишь с салом?

– И чтобы шкварчало на сковородке...

– Туды его в кочерыжку! – радостно засмеялся дед..

Он обнял лейтенанта за талию, и так они вошли в дом: высокий стройный офицер и мелко семенивший дед Афанасий, счастливый до невозможности.

* * *

Они шли по темному переулку, свернув от клуба, из которого валил народ после вечернего сеанса. Показывали фильм «Два бойца». На удивление трезвый киномеханик Нагайский ни разу не оборвал ленту, не гонялся с матами за вездесущей пацанвой, пролазившей в окна или прятавшейся за ящичками, а потому настроение у него было благодушное, и Суздалев тихонько насвистывал мелодию из кинофильма «Темная ночь». Вообще – то он не планировал похода в клуб, но пришла Рита – какая – то напряженная, от её бойкости не осталось и следа – и предложила пойти «проветриться». Лейтенант охотно согласился.

– Тольки не шарахайтесь до утра, – сварливо заметил дед Афанасий. – Полеты, поди, утром.

– Есть, – сказал Суздалев серьезно.

Рита, вздохнув, промолчала.

Итак, они шли по какому-то темному переулку. Слева тянулись изгороди огородов, справа темнел корпус чего – то недостроенного, впереди широкой лентой в ярком свете луны блестела река. На той стороне реки высилась мрачная ска-

ла. В этом месте русло круто поворачивала, и волна глухо рокотала, разбиваясь о скалы.

Из – за недостроенного здания доносилось:

«Мы лежим с тобой

В маленьком гробике...»

– Студенты развлекаются, – сказала Рита. – Строй – отряд.

– Песня душевная, – усмехнулся Суздальцев. – Слова бы

списать.

– Ага, – рассеяно ответила Рита. Темная ночь, призрачный свет луны и необычно молчаливая Рита породили в душе у Суздалева некое предчувствие, что – то должно произойти в этот вечер. Всякие там нападения из – за угла он отметал начисто, в привидения и всякую лесную нечисть не верил, о пришельцах с других планет, что уносят зазевавшихся граждан на предмет препарирования и изучения, в те годы вообще разговоров не велось, а до выхода на экраны будоражащего воображение фильма «Воспоминание о будущем» было ещё добрых полтора десятка лет. И всё-таки душа лейтенанта трепетала. Было! Было в этой прогулке нечто тревожное, томительное.

Сказать, что лейтенант дожив до двадцати восьми лет, так и не познал женщины... Ну, право, не серьезно. Но в тех немногих случаях, как говорил поэт: «Была без радости любовь – разлука будет без печали». Кажется так. Не оставляли эти встречи ни тоски в душе, ни желания встретиться ещё раз. А тут... Незнакомое трепетание души, невесть откуда

нахлынувшая робость, электричество во всем теле – отдавало новизной чувств и диким напряжением мышц.

Рита всё также молча шла рядом и лейтенант уже начал испытывать неловкость от этого долгого молчания, которое неизвестно чем может закончиться. Так они вышли к реке, урчавшей на перекатах.

– Юра, – сказала Рита, внезапно обернувшись к Суздальеву, – открой меня.

– А?! – лейтенант споткнулся на ровном месте.

Он повернул её к себе и обомлел. От прежней острой на язык и находчивой Риты не осталось и следа. В ней что – то переменялось, лицо светилось любовью, покорно опущенные руки, просящий голос... У него похолодело в животе – такое случается не каждый день, пожалуй, раз в жизни.

– Я бы поел чего –нибудь, – едва не задыхаясь, произнес Суздальев. – В баках – ноль.

Рита шумно выдохнула.

– Петрович не кормит?

– Почему же? Дед наукой занят, а я только с полетов.

– Ладно, голодающий, – рассмеялась Рита, – пошли ко мне – накормлю. Как у вас говорят. Под самую горловину?

– Да, – облегченно выдохнул лейтенант.

Уже занималась заря, когда он вернулся.

– И тудыть твою в кочерыжку! – горестно сказал дед Афанасий. – И где ж тебя черти носят? Полёты ж у тебя... Что ты со мной делаешь, а не приведи Господь что, а?.. Как малое дитя, ей – богу!

– Дедуля, – изумился Суздалев, – да что с тобой?!

– Да ничо! Выдрать бы тебя ремнем, неслуха

– Ремни у нас в большом количестве, – рассмеялся лейтенант. – Дать?

– Хоть бы меня пожалел, – махнул рукой дед Афанасий. – Всю ночь не спавши...

Суздалев прикрыл глаза, постоял мгновение, потом обнял деда и поцеловал в щетинистую щеку.

– Хоть бы побрился, – сказал он сердито. – Бродишь, как домовой.

– А ты не лезь с целованием! – почти выкрикнул дед Афанасий, и на глазах его показались слезы. – Лезут тут, слюнявят. Есть будешь?

– Поел бы, – сказал лейтенант, – аж воет в животе...

– Дык не броди ночами, – буркнул дед Афанасий и засуетился. – Счас, я мигом.

Когда дед вернулся со сковородой, на которой ещё шипела яичница с салом, лейтенант уже крепко спал, разметавшись

на кровати.

– Эх, елки – зеленые... – вздохнул дед, – видать, огулял Ритку – то... – и радостно засмеялся.

* * *

– Итак, – сказал комэск, по обыкновению хмуро оглядев офицеров, – сегодня посмотрим, как летает пешим по – летному наш новый товарищ лейтенант Суздалев. Берите макет, лейтенант, взлетаем.

«Взлетели». Комэск балериной крутился на бетонке, закладывая немислимые пируэты. Суздалев исправно держался за комэском, повторяя все его фигуры, и, вспотевший под жарким солнцем комэск, наконец, нервно сказал:

– Садимся.

И отошёл, наблюдая, как новый лётчик строит глиссаду посадки. Безупречно. Всё по науке. Комэск развел руками:

– Чему его учить? Классика. Неплохо. Ещё бы в воздухе так, то цены вам, лейтенант, не было.

Суздалев промолчал, только в глазах мелькнули веселые бесенята и пропали. А командир эскадрильи пробурчал, не обращаясь ни к кому конкретно:

– На земле все академики, только не понять от чего все – таки самолёты бьются?..

– Пресловутая ложка меда в бочке дегтя? – товарищ майор.

– Я не в ваш адрес, лейтенант. Это в назидание всем. Есть у нас умники.

– Ну, если... – улыбнулся лейтенант, – тогда – ой, как говорит дед Афанасий.

– Отбой, – сказал комэск. – По плановой таблице полёты в пятнадцать. Пока все свободны. Послушайте, Суздалев, в училище воздушные бои проводили или только взлёт – посадка?

– Проводили, – успокоил лейтенант. – За меня не переживайте, сами – то как, не подкачаете?

Да – а-а-а?! – жутко удивился комэск. – Даже так?! Ну – ну... Во молодёжь пошла! Во кадры! Надо ли это понимать, как брошенную перчатку? Ну, держись, Суздалев, сам напросился.

Летчики сочувственно улыбались. Старший лейтенант Скворцов положил руку Суздалеву на плечо.

– Зря, Юра, командира взвел, измотает.

– А что, супер – асс?

– Лучший пилотажник в полку, да что в полку — в дивизии.

– Значит, будет у кого поучиться.

– Это точно. Если на фото пленке хотя дым от его движка поймашь и то удача.

– А если весь аппарат?

Скворцов искренне рассмеялся:

– Желаю успеха!

– К черту.

Лейтенант поспешил на стоянку, где возле самолёта, опутанного проводами и шлангами, колдовали механики.

– Слава, – позвал лейтенант Синдеева, – как аппарат?

– На все сто, командир.

– Сегодня мне нужно, чтобы он был на всю тысячу. Проверь фотопулемет, не дай бог что...

– Всё будет в лучшем виде, – заверил Славка. – Что –нибудь намечается?

– Комэск решил мне устроить трепку.

– Ого! Серьезный мужик. Может, не стоило нарываться так откровенно?

– Не будем обсуждать эту тему, перчатка, как сказал командир, брошена.

– Аппарат, как часики. Между нами, есть шанс?

– Потом.

– Ну, дай Бог.

Лейтенант держался, как положено: сбоку, справа и чуть выше. Комэск поглядел назад. В поле зрения был только конус воздухозаборника ведомого и неожиданно крутанул «бочку». После такого фортеля новичок, как правило, отставал и комэск милостиво давал салаге пристроиться, чтобы потом, на разборе полётов, высказать всё, что он думает об училищных инструкторах новичка.

Это было не совсем честно. Нельзя ставить знак равенства между вчерашним курсантом и признанным в дивизии пи-

лотажником, но, хоть дешевенько, а грело самолюбие.

Он огляделся и уже собирался прибрать газ, но машина ведомого висела на прежнем месте, то, слегка уходя вверх, то малость проседая.

– Догнал? – спросил комэск, почему – то внутренне на-прягаясь.

– Повторил маневр, – коротко ответили наушники.

Комэск сжал губы. Ох, что – то тут не то ох, не то... Лейтенант то вспухал на мгновение в кресле, то словно ударом его вжимало обратно. Да, комэск был классный летчик, но лейтенант всё – таки поймал тот единственный момент и нажал гашетку фотопулемета. Он не слышал стрекота кинокамеры, но знал, что в эти мгновения самолёт комэска фиксируется на пленке. Всё!

– Я ноль пятый! Задание выполнил. В условном бою, условный противник сбит.

– Что – о–о? – изумленно спросила земля, помолчала и голосом «бати» четко приказала. – Двадцать второй, ноль пятый, на точку. Курс – 270.

– Понял вас, – ответил лейтенант.

«Двадцать второй» промолчал.

* * *

Доложив, что полоса свободна, лейтенант зарулил на стоянку. Выключил двигатель, открыл фонарь кабины и, потя-

нув черный эбонитовый шарик, снял щиток гермошлема.

– Ну, как? – Спросил Слава. – Аппарат не подвел?

– Спасибо, Слава, ему сегодня досталось.

– Ну, а как... вообще?

– Вообще? Будь это война, сейчас бы рисовал звездочку на аппарате.

– Завалил?! – ахнул Славка.

– Как немца над Кубанью, но лётчик сильный, ничего не скажу. Ладно. Отцепляй меня от этих дел.

– Таким образом, используя возможности самолета, в условном бою, условный противник был сбит. У меня всё, – сказал Суздаев и положил указку.

– Добро, садитесь. Комэск?

– Да мне и говорить-то нечего, разве что подать рапорт о переводе в пехоту... Лейтенант Суздаев всё очень толково и грамотно изложил, а из схемы видна моя ошибка. Вот тебе и желторотик, – добавил комэск сокрушенно.

– Я бы уточнил относительно желторотика, – заметил командир полка. – Товарищи офицеры, попрошу внимания! Интересные новости, только что с телетайпа. Приказ министра обороны. За особые заслуги в деле подготовки личного состава ВВС, инструктору Центра боевой подготовки, летчику первого класса, майору Ю. В. Суздаеву, – командир сделал многозначительную паузу, – досрочно присваивается звание «подполковник».

Офицеры ошарашено притихли.

– Вот тебе и лейтенант! – ахнул кто – то в зале.

– И это ещё не всё, – поднял руку Саакян. – Приказ по армии. Подполковник Ю. В. Суздалев назначается командиром в/ч такой – то, нашего полка, стало быть. А меня, друзья мои, переводят в штаб армии. Прием – передачу дел закончить... впрочем, это уже детали. Такие вот пироги...

Офицеры минут пять молчали. Комэск то наливался краской, то кряхтел досадливо, а потом из задних рядов донеслись голоса молодежи:

– Отцы командиры! Где должности и звезды обмываем?!

Суздалецев поднялся, казалось несколько не смущенный таким поворотом дел:

– Товарищи офицеры, проводы командира и, – он хмыкнул, – мои звезды... Словом, прошу всех к деду Афанасию.

– Так ты всё знал? – тихо спросил штурман. – Знал и молчал...

– А тебе всё выложи? Любопытной Варваре нос оторвали – в курсе? – Так же тихо ответил Саакян.

– Это и есть твой аргумент? – спросил штурман, обидевшись. – И что за цирк устроили – «лейтенант», салага, такого туману напустили, такая тайна, куда там... А что, у нас даже такой центр есть, и где это?

– Вот ты у нового командира и спроси. – Ответил Саакян. – А на счет «салаги»... Ну да – я знал. Не мною это было задумано. Зато лейтенант узнал полк изнутри, так сказать, пообщался с офицерами запросто, посмотрел кто на что спо-

собен. Нормально.

– Тьфу, – с досады плюнул штурман. – Тайны мадридского двора, какие были причины такую темноту напускать, не пойму?..

– Были причины, – веско сказал командир полка. – Поверь – были.

– Ничего не понимаю, – развел руками штурман.

– Аналогично, – в тон ему ответил Саакян.

– А шустрый паренек. Двадцать восемь лет и уже командир полка.

– Тридцать два, если уж на то пошло, – усмехнулся Саакян, и нахмурился.

Суздаев возвращался в село пешком, благо совсем не далеко. Звуки аэродрома утихли, и было слышно, как за деревней дробненько стучит мотор трактора. Уже завели свою песнь лягушки в придорожной канаве, тренькали над ухом комары. Он шёл медленно, не торопясь, и прутик вербы, который он держал в руке, оставлял за ним в придорожной пыли тонкий извилистый след.

1987 г.

ЖИЗНЬ ШМОньки

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой выясняется, что можно прожить без сопротивления материалов, а вот без музыки – нет Не исключены перемены

«Шмонька» – это так в обиходе. А официально – ШМО, то есть – школа морского обучения. Народ здесь разный: от проваливших вступительные экзамены в «мореходку», до деревенских фантазеров, решивших сменить трактор на гулкую палубу судна. Захотелось романтики, куда деваться... Но берут всех. Лишь бы здоровье не подкачало. Деревенские проходят медицину без вопросов, а какие вопросы? Выросли на свежем воздухе, на молоке и домашней пище. Легкие дуют так, что спирометр зашкаливает, сердце стучит с ритмичностью часов «Ролекс» – здоров, как конь. Образование, правда, ой, что за педагоги в деревне... но это поправимо.

Городские наоборот, образованием может, и не блещут, но для ШМОньки сгодится. Да и парни в основном из при-морских городов и поселков. У моря выросли и, что такое

«камбуз» знают не понаслышке. Почти готовые моряки. Их чуть подшлифовать и классный специалист готов. Другими словами, имеется удостоверение моториста, матроса, радиооператора. Это уже на судне выясняется, что «первоклассный специалист» на самом деле пень пнем и его учить да учить... Но теоретическая база есть, а практика дело наживное.

Витя Сысоев – по прозвищу «Утак» за свой раздвоенный у кончика нос, что делало его похожим на селезня – пришел в школу потому, что милиция поселка Шкотово уже поглядывала в его сторону. И, чтобы ребенка не замели окончательно, папаша сплавил его на флот. Суровые флотские будни, так думал папаша, сделают любимое чадо человеком. Сысоев – невысокого роста, глаза серые, нахальные, от роду семнадцать лет, телосложение щупленькое, а по характеру чистый псих. Едва прибыв в школу, он заехал Васе Рогову по челюсти. Рогов – заморыш, чудом прошедший медиков, прислонился к якорю, у входа в школу, и тихо плакал. Наблюдавший эту сцену шахтер из Дальнегорска Коля Воронов, решивший сменить штреки шахты на просторы морей (много позже эстрадный певец пропоет со сцены: «Ах, ты! Мы вышли из шахты... Но это будет позже»), молча сгрэб Утака за шиворот и коротко спросил:

– За что?

– Чтобы служба медом не казалась, – нахально ответил Утак, – пусти, а то и тебе...

Воронов усмехнулся. Одной рукой поднял Утака за шкирки и швырнул метров на пять от себя.

– Еще раз тронешь пацана – прибую, – пообещал Воронов.

– Ой – ой, напугал!.. Я тебе это не забуду, – скрипнул зубами Утак.

– Да уж, запомни, – усмехнулся Воронов. – Я сказал. Сейчас просто пошутил, а по – настоящему нарвешься, то без обиды, договорились?

– Прирежу ночью, – прошипел Утак.

Воронов даже не ответил. Только поднял брови и всё. Коля среднего роста, с развитой мускулатурой – Шварцнегеру такое и не снилось. А оно и вправду... Отбойный молоток не игрушка. А если каждый день, да всю смену, да на полусогнутых и так несколько лет? Это не в спортзале мышцы «качать»... Спокойный, как мамонт, Коля никогда не выходил из себя и только на занятиях по теоретической механике потел и встревожено оглядывался по сторонам.

– Воронов! – вскрикивал преподаватель взволновано. — Не отвлекайтесь!

– А я чо? Я ни чо...

– Итак, вектор давления крейцкопфа в нашем случае направлен... куда, Воронов?

– А я почему знаю, куда он давит, – гудел Коля.

– Сельпо... – шипел Утак, – в шахте сидел бы и не вылазил...

Воронов молча показывал кулак.

– М – да, садитесь.

– Толку – таки, от вас на флоте будет мало. Нет, в самом деле, си – бемоль, от фамажор не отличаете, сложение и вычитание векторов не понимаете, я уже не говорю о редиез. Кого набрали в школу, не понимаю...

– Тупой, как сибирский валенок, – шипит Утак.

Воронов чешет затылок и садится. Чего пристал с редиезом, назло он что ли?.. Видать это он по – английски так крейцкопф называет...

Фамилия преподавателя Менинзон. Отсюда следует, что все население города Биробиджан приходилось ему дальними родственниками. А если добавить, что имя отчество преподавателя Моисей Самуилович, то понятно о чем речь.

Как и большинство представителей этой национальности Менинзон был музыкально одаренным человеком. И если бы не преподавал, то, скорее всего, был бы дирижером какого –нибудь оркестра. Словом имело место легкое помешательство на почве музыки. Он пытался создать в школе духовой оркестр, но срок обучения один год и только радиооператоры – элита школы – парились два. А за год кого научишь?.. У курсантов голова забита математикой, термехом, навигацией, устройством судна, а тут ещё сибемоль с фа – диезом пристают, одуреть можно...

Каждый год он набирал новый состав оркестра, заставлял заниматься до полуночи, но зато всем участникам ставил по теоретической механике только «пять», справедливо пола-

гая, что мотористу, например, термех нужен, как зайцу «стоп – сигнал». Об этом знали, а потому Коля, жутко стесняясь, пробурчал в потолок:

– Я в Доме культуры шахтеров на трубе играл, а вы мне про фа – диез говорите. В курсе я. – И до сих пор молчал! – вскинулся Менинзон. – Совесть у тебя есть? Сегодня же на репетицию!

– В наряде я, не получится.

– Никаких нарядов! Я поговорю с ротным.

Объяснимся. Школа являлась закрытым учебным заведением со всеми вытекающими – строевой подготовкой, зарядкой, несмотря на погоду на улице, специальной подготовкой. Вязать узлы, конечно, скучно, но зато гонки на ялах нравились всем. Чья шлюпка быстрее, чья рота лучше. Тут было где показать удаль и силушку! Свежий ветер в лицо, воротники форменок вытянулись по ветру, а весла выгибаются от напряжения, и ял летит, как прищпоренный. Какая разница первый ты или третий, главное – не последний. И ты моряк, и это ощущаешь каждой клеточкой организма.

В такие дни даже Утак оставлял свои пошлые шуточки и, сидя на руле (все – таки у моря вырос), покрикивал:

– Навались, славяне! И – раз, и – раз!..

И наваливались, ощущая скорость и вкус соленых брызг.

С середины октября начальство школы начало таинственно улыбаться, а начальник школы вместо четырех узких полосок на форменной тужурке, приладил одну широкую. Да

и у всего руководящего состава полосок на рукавах прибавилось. Утак, хотя и вредный парень, но в наблюдательности ему не откажешь, и, пожалуй, он первым заметил перемены.

– Мужики, – нервно сказал он, – а вы заметили, что в школе чего-то творится?

– Да что тут может твориться, Утачёк? – подал голос Валера Сорокин. – Лично я забил на всякие новшества. В июне выпускаемся, и я прошусь на ледоколы, на север. На ледоколах и кормежка получше, и «северные» идут. Лет пять отхожу на ледоколах, куплю дом, корову и забил я на флот, на море, на эти посудины. Вот так.

– Мысль интересная, – заметил Утак, – планы, кажется, реальные, но у меня подозрение, что они не сбудутся.

– Чего так? – спросил Воронов. – Валерка дело говорит. Не будешь же всю жизнь по воде бегать...

– Да перестаньте трепаться! – воскликнул Утак. – Ослепли вы, что ли? Буквари новые привезли, это – раз! У матросов радиолокаторы устанавливают – два! У нас новое оборудование монтируется – три! Дизеля завезли – четыре! Я вчера на ящиках прочитал: «Секстаны» – пять. А на кой простому матросу секстан, я вас спрашиваю? Мало вам? Я не знаю... Ходят и не видят. Ворон в свою дудку дует, Князь в картишки перекидывается с Цыганом. Сорока корову мечтает купить. Флотские называются... Тьфу!

– Утак, как всегда, умножает на десять, – веско сказал Витя Князев. – Ходи (это Цыгану). Двадцатый век, что вы хо-

тите... Реактивные самолеты летают, телевизор изобрели, а мы всё котлы изучаем: бери больше, кидай дальше. Плановая замена оборудования на более совершенное. И нечего народу голову морочить. Не вижу никаких оснований для паники. По – любому, если, что – то и изменится, то не для нас. Недоумков, вроде Утака, выпустят, а наберут более умных. Такие дела...

– А что? – Рогов потянулся. – Я бы остался. Механик – это не моторист.

– Вот, – Князев зевнул, – Васю оставят, а Утака на «Бухару», уголек в топку кидать. Вася – голова, а Утак – пень.

– Да пошли вы... – обиделся Утак. – Тоже мне умники... Будто не ты, Князь, вчера пару схлопотал по истории.

– Салага ты, Утачёк, – добродушно сказал Князев. – Я на грудь исторички загляделся. Такая баба, ух... Ты, Утачек, в этих делах ничего не понимаешь, а я уже пробовал кое – кого... Так что заглохни со своей «парой». Через месяц она мне одни «пятки» ставить будет.

Утак брезгливо высунул язык, показывая полное отвращение к «этому делу».

– Я же говорю – салага, – усмехнулся Князев.

Кубрик зашумел. Конечно, Утак, наплел с три короба, но очевидных перемен не заметить было невозможно. И сначала все воспринималось, как нормальное явление, но с высказыванием Утака, дело принимало иной оборот и глаза, как

бы раскрылись. А что?.. Может, что – то и будет.

– Князь прав, – Валера Сорокин отошел от окна. – Ничего нового в школе не намечается. Все – таки 1958-й год на дворе. Техника меняется. Спутник, вот, запустили... А что новые учебники завезли и оборудование, то, думаю, тем, кто будет после нас, просто увеличат срок обучения. Может на год. А нас... – Валера улыбнулся, – на следующий год в любом случае выпустят. На флот приходят новые суда, кадров нехватает, так что на флот, мужики, на флот...

– Логично, – заметил Князев. – В точку.

– Четвертая рота! – внезапно раздалось в кубрике. – Опять базар? Отбой не для вас? Всем в койку и активно сопеть носами.

– Приперся, ботало... – пробурчал Сорокин, ныряя под одеяло.

– Я, между прочим, все слышу, – сказал замполит (он был дежурным по школе), – и кое – кому это замечание боком вылезет. «Бухара», будьте уверены, обеспечена. Я позабочусь. Отбой!

Когда двери закрылись за дежурным, Князев заметил:

– Зря, Валера, помолчать не мог? Правда, еще направит на «Бухару» – так лучше на каторгу.

– Да пошел он... – тихо сказал Валера.

«Бухара» – последний пароход на твердом топливе, дожила свой век на рейсах между Владивостоком и Находкой. Об этом пароходе ходили разные слухи – один хлеще друго-

го – и этого парохода курсанты боялись, как огня, попасть на него – означало поставить крест на своей карьере моряка. Потому что инспекторы кадров ласково спрашивали:

– А – а, вы с «Бухары»? И что вы такого натворили, юноша? А знаете, подходящего судна для вас нет. Зайдите через дня три.

Словом, ничего хорошего ждать не приходилось. Кубрик озадачено примолк и через полчаса уснул. В два часа ночи, Утак поднялся с койки, открыл тумбочку, достал комок ваты, скрутил в тонкий жгут, смочил одеколоном. Если бы не темнота в кубрике, то можно рассмотреть хищную улыбку Утака, но темно. Утак на цыпочках прошелся по кубрику, подошел к угловой койке.

– Князь, – тихо позвал он. В ответ мерное дыхание. Он откинул простынь, укрывавшую Князева, и заплел жгут между пальцев ноги спящего. Злорадно ухмыляясь, чиркнул спичкой, поджег жгут и бросился к своей койке. Он ожидал, что поднимется крик, что Князь, матерясь, забегает по комнате, то – то будет смешно. Но Князь только охнул, выбросил жгут на пол, притушил ботинком и тихо сказал:

– Ладно, Утак, ответный ход за мной.

И лег спать. Цирк не получился и до утра в тревожном сне метался курсант Сысоев по прозвищу «Утак».

Это сейчас замполитов (заместителей командиров воинских частей, кораблей и так далее) нет, а в те времена они пронизывали все слои общества, донося до масс решения

партии и правительства (и просто донося куда надо). Соответственно имелся он и в школе. Хорошо, когда замполит – человек умный с ним и дышится легко, и с энтузиазмом работается. Плохо, а то и страшно, если замполит – дундук. Не он для народа, а народ для него. В таком случае лучше молчать, и упаси Господь в чем – то засомневаться. Нет, специальность ты получишь, а визы – нет. А без визы, какой ты моряк? И участь твоя незавидна: либо в портофлоте на буксирах болтаться, либо в каботаже, вдоль берега. И забудь навсегда о Сингапуре, Порт – Саиде, Сиднее. Потому что на тебе клеймо – «сомневается».

Так вот. Замполит в школе был из породы дундуков. Завистливый, мстительный. Он затаил обиду на всех и вымещал её на курсантах. Обидело его до глубины души, то обстоятельство, что всё руководство школы добавило на рукава своих тужурок по лычке, а у него как было три, так и осталось. Что – то в верхах не заладилось и замполита обошли в приказе.

Он насторожено оглядел класс, выискивая очередную жертву, и взгляд его остановился на Рогове.

– Курсант Рогов, что сказано у Маркса по поводу светотехнических средств на флоте?

Он уже взял ручку, чтобы против фамилии «Рогов» поставить заветную двойку, но Вася отбарабанил:

– Светить всегда,
Светить везде!

До дней последних донца.

Светить!

И никаких гвоздей!

Вот лозунг мой и... флота.

Карл Маркс, полное собрание сочинений, том второй, страницу не помню, – нагло закончил Вася.

– А? – ошалело спросил замполит.

– Ну, – подтвердил Вася.

– Садись, Рогов, – тревожно сказал замполит, — «четыре».

– Что так? – обнаглел Вася. – Я же все правильно ответил...

– Не надо рифму путать, – сказал замполит. – Не флота, а флотца. Донца – флотца, чувствуешь? Я кое – что понимаю в политике и книги товарища Маркса читал, а как же?.. Второй том, говоришь?

– Так точно! – рявкнул Вася, вскакивая.

– Ладно, ладно, садись... Итак, переходим к теме: «Роль социалистического соревнования на флоте».

– А что, Маркс стихи писал? – тихо спросил Воронов – они сидели вместе.

– Я откуда знаю... – так же тихо прошептал Рогов, глядя в пол, и совсем тихо добавил. – Я ему из Маяковского врезал.

– Голова, – одобрительно шепнул Воронов.

– Рогов, Воронов – разговорчики! – прикрикнул замполит. – Вот кое – кто шепчется на занятиях, – горестно за-

метил он, – а за рубежом, понятно, если он туда попадет, не сможет объяснить простому зарубежному рабочему преимуществу социалистического образа жизни перед капиталистическим.

– А он будет спрашивать этот рабочий? – хмыкнул Князев. – Или прямо с трапа начинать... Так он приехал на работу на машине, отработал и уехал. А я на автобусе полтора часа толкусь, пока к дому приедешь. Конечно, ему хреново живется. Что же тут непонятного...

– И кто это говорит о капиталистических рабочих, что у них собственные машины есть?..

– Да моряки и говорят.

Замполит задумался. У него на пиджаке имелось два ромба («Видать стырил, – шептались курсанты»), но вопрос поставил его в тупик.

– Не умничайте, Князев, – наконец сообразил замполит, – и я бы не рекомендовал повторять вражескую пропаганду.

– А почему у нас языки не изучают? – спросил Сорокин.

Замполит поерзал на стуле.

– Зачем тебе, Сорокин, иностранные языки? Твое дело в машине сидеть и не высовываться.

– А как же с простым зарубежным рабочим разговаривать, пролетарий который?..

– Так, – набычился замполит. – Занятия хотите сорвать? Я доложу ротному о вашем поведении.

– Уже и вопрос нельзя задать, – обижено сказал Сорокин.

– Одни разгильдяи, – зло сказал замполит. – Одно слово – маслопупы, абсолютные бездари.

– Языком молоть – не мешки таскать, – заметил кто – то из класса. – Сам – то хоть раз в машине бывал?..

– Кто сказал?! – взвился замполит.

– Ну, я и что? – поднялся Тарасенко.

Игорь Тарасенко, могучий парень, стоял и насмешливо улыбался. Он ничего не боялся. Его дядя работал в Управлении КГБ, так что Игорь за словами в карман не лез и говорил, что думал. Замполит смешался.

– Садитесь, Тарасенко.

– Сяду еще, – усмехнулся Игорь. – Но, чтобы вы знали, я сегодня же сообщу – вы знаете кому – как вы издеваетесь над курсантами. Вы – безграмотный человек. И что вы в школе делаете, вопрос интересный. Его будут решать даже не в парходстве, я думаю.

Замполит то бледнел, то наливался краской, но тут прозвенел спасительный звонок. Тема социалистического соревнования на флоте осталась не раскрытой. Замполит быстро собрал бумаги и выскочил за дверь.

– Найдется управа и на твоего дядю, щенок, – прошептал он, задыхаясь.

Он весь клокотал праведным гневом. Как? Какой – то курсант смеет прилюдно тыкать его носом в стол?! Неслыханно! Уже в преподавательской он спросил даму, что вела историю:

– Людочка, вот вы – историк. Скажите, стихи Маркс писал?

– В юности кто их не пишет... Но относительно Маркса не скажу. По – моему, нет. А что?

– Да мне сегодня один курсант стихи прочитал. Там про солнце, гвозди, донце какое – то... Говорит Маркс, полное собрание сочинений, второй том...

– А-а, – быстро сообразила Людочка. – Курсант пошутил. Это – Маяковский.

– Сволочь! – сдерживая нарастающую ярость, сказал замполит.

– Кто, Маяковский? – удивилась Людочка.

Замполит досадливо махнул рукой, открыл журнал и против фамилии Рогов поставил жирную двойку.

– А этого делать нельзя, – сказала Людочка.

– Чего нельзя? Что вы лезете, куда не надо! Бросьте свои гражданские замашки. Это вам не здесь, а тут, понятно?

– А почему вы положительную оценку исправляете на отрицательную, да ещё тайком. Что это за новости педагогики? Так можно всей школе «неуд» поставить. Зайти сюда и переправить... тихонько. Я полагаю, что вас надо аттестовать, как преподавателя. Вы не знаете прописных истин.

– Кто вам дал право читать мне нотации! Вы историчка, вот и читайте свои истории! Мне, заместителю начальника школы по политической части, какой – то препод начинает лекции читать! Да я вас в бараний рог! Распоясались со-

всем!!

– А вы грубиян и беспардонное хамло. С чего вы взяли, что я испугалась вашей истерики? Мужлан... Я, кроме того, что историк, еще и женщина. А вам только с пьяными матросами общаться. И где такого быдла набрали, не пойму...

Замполит хотел замахнуться, но только налил кумачом и выскочил из комнаты.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Поворот «Все вдруг», прощание и напутствие Воронова, училище...

Почти за год пребывания в школе Вася Рогов заметно окреп и немного подтянулся в росте. После занятий он шел в спортзал – открытый всегда – занимался со штангой, подтягивался на перекладине, а его любимым снарядом стали параллельные брусья. Физрук школы, когда – то мастер спорта, а нынче тяжеловесный дядечка, посмотрел, как Вася трепыхается на брусьях, позвал:

– Рогов!

– Я. – Ко мне!

– Есть!

– Хочешь заняться гимнастикой?

– Не мешало бы...

Физрук с сомнением оглядел Васю, потрогал мускулы, сказал:

– М – да, слабовато... Но еще не поздно. Приходи после занятий. Начнем, пожалуй. Для соревнований, конечно, готовить не будем, а человека сделаем. Приходи.

И Вася начал заниматься. Физрук оказался терпеливым и добродушным инструктором, гонял Васю до седьмого пота, отрабатывая поэтапно сложные элементы, а результаты при-

шли, как бы сами. Однажды получилось «солнце» на перекладине, «крест» на кольцах, свободно стали получаться махи на «коне», а на брусьях Вася творил – таки просто чудеса.

– Слышь, Рог, ты никак в спорт ударился, с чего бы это? – спросил Утак.

– А чтобы после выпуска тебя отметить.

– Ну, дает Рог, – залился смехом Утак. – А я выпуска ждать не буду. Хочешь, сейчас заеду в бубен?

– Попробуй, – сказал Вася. – Интересно, получится у тебя или нет.

Утак опешил.

– Неохота связываться... Опять к Ворону жаловаться побежишь.

– Вот так лучше, – сказал Рогов. – И запомни, не Рог я, а Рогов, а еще раз дернешься, башку оторву.

– И оторвет, – сказал Сорокин. – Он может. Вася в положении лежа сто пятьдесят жмет. А ты сколько вешишь?

– Шестьдесят, – машинально ответил Утак, он был потрясен таким поворотом разговора.

– Так Вася тебя одной рукой поднимет. Да, Вася?

– Делать нечего, – сказал Рогов.

– Понял, Утачэк, не советую. Чревато...

– А пошли вы все... – сплюнул Утак. – Спортсмены... Посмотрим, что вы за моряки.

– А ты моряк... Да что спорить... Эзельгофт – это что?

– Отвали со своим эзельгофтом...

– Вася?

– Эзельгофт – кованное или сварное кольцо, соединяющее стеньгу мачты с мачтой.

– Теперь ты понял, курсант Сысоев, кто моряк, а кто косит под моряка?

– А где ты видел на «Советском Союзе», например, стеньгу? – захохотал Утак.

– Он ничего не понял, – Сорокин посмотрел на Сысоева, как на пустое место.

– Пошли, Валера, – сказал Рогов.

– Э, э, а что я должен понять? – заволновался Утак.

– Подрастешь – поймешь, – сказал Сорокин.

– Уроды, – поддел ногой камешек Сысоев. – Эзельгофт они знают... Подумаешь...

И пришла весна. До выпуска оставалось чуть больше месяца. На очередных занятиях в класс вошел сияющий замполит.

– Во, лыбится... – шепнул Воронов Васе, – наверняка сообщит какую –нибудь гадость.

– За ним не заржавеет, – согласился Вася.

– Прошу садиться, товарищи курсанты, – добродушно предложил замполит.

– Сияет, как новенький пятак, – тоскливо сказал Воронов.

– Наше сегодняшнее занятие будет носить необычный характер. Я вам зачитаю предварительное распределение по судам Дальневосточного пароходства. Впрочем, оно и окон-

чительное, – добавил он, усмехнувшись. – Итак, Рогов, Воронов – «Бухара».

Класс ахнул.

– Вы чем – то недовольны? – ласково спросил замполит. – Нет? Тогда пошли дальше... Сорокин, Князев – «Мария Ульянова», Сысоев, Тарасенко – «Советский Союз»...

На перемене Утак подошел к Рогову.

– Ну и как, съел?

– А что случилось? – спросил Вася. – Чему ты радуешься?

– Чего же мне не радоваться... Ты – такой весь умный, спортсмен, весь в «пятках» и на «Бухару». А я баран, по – твоему, и на «Советский Союз».

– Так еще не вечер, Утак, еще не вечер...

– Как ты меня назвал?

– Ты еще глухой к тому же...

– Завянь, Утачина, – сказал хмурый Воронов, – не заводил меня.

Прозвеневший звонок прервал беседу, грозившую перерасти в побоище.

– В кубрике поговорим, – мрачно сказал Воронов. – Будем говорить долго и... больно.

– Да стоит ли перед выпуском наживать себе неприятности... – сказал Вася.

– Ты думаешь? – спросил Воронов.

– Конечно.

– Пугануть – то можно, а то совсем зарвался товарищ.

– Ну, если пугануть...

А в середине июня по школе прозвучал «большой сбор» и ротные засуетились, забегали, выводя курсантов на плац. Через десять минут вся школа стояла на плацу ровным черно – голубым квадратом.

– К чему бы это? – шепнул Вася Сорокину, с которым стоял рядом.

– Я знаю не больше твоего, – ответил Валера.

– Ускоренный выпуск?

– А кто его знает... Возможно.

– Школа смирно! – проревел репродуктор. – Слушать приказ Министра морского флота!

Из всего приказа слух Васи Рогова воспринял только слова: «...переводится в разряд средних учебных заведений морского флота с четырехгодичным сроком обучения». И комментарий начальника школы: «Имеющие оценки за курс обучения только «хорошо» и «отлично» автоматически переводятся на второй курс. Курсанты, имеющие оценки «удовлетворительно», и курсанты, которым на момент окончания курса исполнилось двадцать три года, направляются на суда Дальневосточного пароходства с присвоением классности и выдачи удостоверения установленного образца. Товарищи курсанты, поздравляю с зачислением в мореходное училище!».

Раздалось жиденькое «ура».

– Не понял, – огорченно сказал репродуктор. – Это кто в строю: пехота или флот?

– У – р–р- а-а! – прокатилось над строем.

– Другое дело, – довольно сказал репродуктор. – На сегодня занятия отменяются. Вольно. Разойдись.

Тут уж строй от всей души гаркнул «Ура!» и рассыпался.

– Товарищи курсанты! Внимание! – прокричал ротный. – На полчаса в класс. Кое – что получите, а заодно обсудим кому чо, а кому ни чо.

– Вот тебе, Вася, и «Бухара», – радостно засмеялся Сорокин. – Жаль Ворон уйдет, ему двадцать четыре.

– Да, жаль Воронка, – согласился Вася. – Князь тоже уйдет?..

– Наверное.

– О, как все повернулось, – сказал Воронов, подходя. – Прощаться будем, мужики...

Парни огорченно помолчали.

В классе – и это сразу бросилось в глаза – на столе преподавателя высились две кучки: матерчатая – шевроны с двумя галочками и звездочкой, и металлическая – новые кокарды. Рядом белел листок бумаги.

– Садитесь, товарищи курсанты, – сказал ротный. – Ну, что?.. Не кочегары мы, не плотники, а судомеханическое отделение мореходного училища. С чем вас и поздравляю. Теперь ваша рота, объединяется с ротой мотористов, и образуют, как я уже сказал, судомеханическое отделение.

Успешно закончившим училище, присваивается квалификация «механик судовых силовых установок» и воинское звание «младший лейтенант флота». К сожалению, пять человек из вашей роты отчисляются из училища и направляются в отдел кадров пароходства. Это, – класс замер, – Сысоев, как слабо успевающий, Тарасенко, Князев, Воронов, Юрченко эти четверо – по возрасту. Названным курсантам завтра подойти в отдел кадров училища и получить документы, в финчасти – подъемные. И еще: на следующей неделе занятия заканчиваются и... в отпуск. До двадцать пятого августа. Двадцать пятого быть здесь. Не хочу пугать, но опоздавшие будут отчислены. А теперь, – ротный улыбнулся, – я буду вызывать по списку, чтобы не устраивать толкотню. Получайте, шевроны, кокарды, зачетные книжки, курсантские билеты. Так, сначала отличники. Рогов.

– Есть.

– Поздравляю, Вася, – сказал ротный.

– Служу Советскому Союзу! – и шепнул. – Так значит, все было известно заранее, раз успели документы подготовить...

– Известно, – усмехнулся ротный, – много будешь знать, скоро состаришься. Свободен!

– Есть!

– Молодец. Сорокин...

– Такие дела, Сысоев, – сказал Вася.

– Да пошел ты... – уныло сказал Утак. – Я буду деньги загребать, а ты штаны протирать, и кто выиграл?

– Жизнь покажет, – заметил Рогов.

– Нацепил два уголка и хвастаешь, – сказал Сысоев. – Дешевка ты, Рогов.

– А ты бы тоже хотел...

– Да в гробу я видел! – крикнул Утак. – Тоже мне, академики...

– Вася тебя в льялах сгноит, если попадешься на его коробку, – сказал Воронов, подходя.

– Да чего бы я зверствовал... – Вася поправил воротник форменки. – Он и так в шоке от такого поворота.

– Я? Я... Я... – Сысоев быстро отбежал.

– О, как разобрало Утачину, – усмехнулся Воронов. – На коробке его быстро наставят на путь истинный. Это не школа. В море не повыступаешь. И что я хочу сказать тебе, Вася, на прощание – завтра будет некогда. Я хоть и не на очень много старше тебя, но все – таки поработал в рабочем коллективе. Знаешь, жизнь и короткая, и длинная, это уже как посмотреть. И в этой жизни тебе еще не раз встретятся сысоевы и замполиты вроде нашего. Но в любом случае оставайся человеком: честным, принципиальным, не поддавайся на минутные слабости, не вступай в сделку со своей совестью, тогда все будет нормально. Не лезь в политику, это не для тебя. Ты комсомолец?

– Нет.

– На втором курсе – вступи. Подойдет срок, вступи в партию. Может, я неправильно говорю, но только партий-

ным можно не опасаться за профессиональный рост, карьеру, грубо говоря, ни за свое будущее.

– Да я как – то не думал...

– А ты подумай, я дело говорю. Партийному и доверия больше и начальство лишний раз не обидит. Поверь мне. Я поработал, насмотрелся. Если будет возможность, то на последнем курсе и вступай в КПСС. Сам ощутишь разницу в положении. Такие дела, Вася.

– Странные слова говоришь ты, Коля.

– Это не странные слова. Это жизнь, не плакатная и не из кино, а реальная во всей прелести и... грязи. Так что не поминай лихом старого Ворона...

– Да я...

– Ладно. Помолчи. Пока, Вася. Я в город. Может еще, и встретимся когда –нибудь или... на морях.

– Пока, – сказал Вася.

Сердце его почему – то сжалось. Он посмотрел в след Николаю и вздохнул.

– Ну, что, Рогов, повезло?

Вася обернулся.

– Да, товарищ заместитель по политической части.

– Ну – ну, – добродушно сказал замполит. – Давай по –свойски. По – простому... Что ты так официально?.. Николай Петрович я, если забыл. Нам с тобой, Рогов, теперь не один год вместе быть.

– Так точно, Николай Петрович.

– Обижен на меня?

– Какие обиды...

– Ну и правильно. А за «Бухару» не обижайся.

– Есть, не обижаться!

Замполит потоптался, как конь, вздохнул и сказал:

– Впредь так не шути.

– Вы о чем?

– О Маяковском, которого ты выдал за Маркса.

– А – а, ну – да, было. Помните у Ленина: «Коммунистом можно стать только тогда, когда обогатишь свою память всем достоянием – Ильич культуру имел в виду, – которое выработало человечество». Железная логика, правда? А вы даже Маяковского не знаете. Между прочим, трибун революции, пролетарский поэт. Даже Ленин говорил, точно не помню цитату, но смысл такой, что стихи так себе, но политически очень верно.

– Да, Рогов, – усмехнулся замполит, – я к тебе с открытой душой, по – товарищески, а ты... Трудно нам будет.

– Жизнь – это борьба, – сказал Рогов. – Это уже Маркс. А потом, есть у кого учиться. Знаете, с кем поведешься...

– Значит, бороться со мной решил?.. – хмыкнул замполит. – Дела – а-а...

– Ну, что вы... Разные весовые категории. И в мыслях нет. Я так думаю, что замполит, это не звание. Призвание, если хотите. А вы в курсантах врагов видите, а сегодняшний курсант, это завтрашний офицер флота...

– Ты смотри, какую философию развел?! Кто бы подумал... Деревенщина, лаптем щи хлебал, а туда же!.. Учить меня вздумал? Да я...

– Я в курсе, – быстро сказал Рогов. – Извините, Николай Петрович, ещё масса дел. Мы продолжим этот увлекательный разговор после отпуска. Честь имею!

– Ах, ты так? Ну, Рогов, погоди!.. Будет тебе увлекательный разговор...

Сильно, неузнаваемо изменился курсант Рогов. За один год из тихого, скромного мальчика, казалось временами, что чем – то пришибленного, он превратился в зрелого юношу, смело отстаивающего свою точку зрения, независимого в суждениях и очень крепкого физически. С житейских позиций и здравого смысла, наверное, Рогову не стоило бы конфликтовать со всемогущим замполитом. Зря он, как говорил Коля Воронов, попер на замполита, как на буфет с порванным рублем, но Вася решил не сдаваться. Вызывая насмешки деревенских парней, он в сельской библиотеке прочитал популярное издание сочинений Ленина и даже пробовал читать «Капитал» Маркса. Мало что понял, но цепкая память сохранила с десятков названий ленинских работ и отдельные цитаты. И это было сильное оружие в борьбе с малограмотным, но амбициозным замполитом. Что из этого выйдет, жизнь, как он говорил, покажет.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой Рогов убывает в отпуск, а в это время происходят некоторые события, возвращение Воронова

Самым счастливым человеком в школе, а теперь в училище был Менинзон. И дело не в том, что теоретическая механика в школе носила абстрактный характер, так как практически была не нужна, разве что для общего развития курсантов, но в училище имела четко определенный смысл. Если, как говорилось в первой главе, котельному машинисту или мотористу термех по барабану, то механику необходим. Но самое главное, заключалось в том, что теперь – о – о, теперь!! – будет такой оркестр, что мама не горюй! Но и здесь в бочку его счастья судьба подкинула ложку дегтя. Прочитав приказ, он воскликнул:

– Как?!

И помчался к начальнику училища. В кабинете начальника царил праздничная атмосфера. Даже из – за закрытой двери доносился возбужденный гул голосов, и секретарь тормознула Моисея Самуиловича, сказав:

– Совещание.

Но преподаватель не растерялся и уверенно сообщил секретарю:

– Назначено.

Начальник училища Юрий Федорович Полищук, глянув на открывшуюся дверь, радостно воскликнул.

– Где ты бродишь, Моисей Самуилович, у нас уже трубы горят, а тебя все нет. Проходи, давай. Нет, каково, а? – Да что же это делается, Юрий Федорович?..

– А что такое?.. Чем могу – помогу...

– Читаю приказ и прямо – таки удивляюсь... Я столько бился с Вороновым, наконец, он стал лучшей трубой оркестра, а его отчисляют... Как вам это нравится?.. Оркестр, можно сказать уже образцовый, концерты может давать, а что я буду делать без Воронова?

– Дорогой Моисей Самуилович, – Юрий Федорович откинулся в кресле, – у нас не консерватория, а мореходное училище. Прошу это помнить. Есть приказ министра, начальника пароходства... Я не могу через них перепрыгнуть, вы меня тоже поймите. Что же получается... Восемнадцатилетнего Сысоева отчислить, а двадцатичетырехлетнего Воронова оставить? Поймут ли меня...

– Согласен. Но Сысоев, как бы это сказать помягче, совершенно неуспевающий, вот товарищи преподаватели подтвердят...

– Да уж, – заметил старый капитан, который вел теорию устройства судна, – это точно. Ему, что кливер, что лиселя – все одинаково, но это полбеды. Я сколько не бился, так он и не смог запомнить разницу между якорем Холла и якорем

Болдта. Туповатый паренек...

– А с математикой вообще проблема...

– Я уже не говорю об истории, – фыркнула Людочка.

Преподаватели зашумели и единодушно согласились, что Сысоев – трудный отрок.

– И дисциплина хромает, – сердито сказал ротный.

– Вот, – сказал Менинзон. – Видите, я прав.

– Но и Воронов не блещет, – сказал Юрий Федорович, вздохнув. – Я смотрел его ведомость... Почти всюду «удовлетворительно». Только по практике «отлично» и по физо. К тому же, двадцать четыре года... Закончит – если закончит – ему будет двадцать восемь...

– Но не тридцать же! – воскликнул Менинзон. – Двадцать восемь!.. Прекрасный возраст для специалиста! К тому же оркестр...

– Дался вам этот оркестр... – досадливо сказал Юрий Федорович, – А если проверка? Мне же первому шею намылят.

– Приказы министра никому не дозволено нарушать, – веско сказал замполит.

– К слову о вас, – вдруг встрепенулся Юрий Федорович. – Вы, Николай Петрович, направляетесь на теплоход «Михаил Фрунзе». Вот приказ начальника пароходства. Извините, чуть не забыл. А что, помполитом – неплохо. Тем более, что «Фрунзе» ходит в основном за границу...

– Как это?! – взвился Николай Петрович. – Съели?.. Ха – ха... Я так и думал, что здесь не коллектив, а змеиное куб-

ло! Отлично! Обтяпываете свои делишки! Оркестр... Может, еще джаз будете играть? Эту музыку зажавшейся буржуазии! Я вам устрою оркестр... Вы у меня попляшите. Я вам устрою...

– Николай Петрович, – мягко сказал Юрий Федорович, – это еще в 1953 году, до марта месяца, вы могли бы что – то устроить, не сомневаюсь. А нынче 1959 год. Паровоз ушел, как говорится.

– Посмотрим, – зло сказал Николай Петрович. – Ишь ты, окопались!

Он схватил роскошную фуражку с огромной кокардой и выскочил в коридор. Ещё минуту из приемной доносился его возмущенный крик. Наконец, все стихло. Юрий Федорович вздохнул.

– Трудный человек...

– А что с Вороновым? – напомнил Моисей Самуилович.

– Где его теперь искать? – сказал Юрий Федорович. – Он уже где – то возле Гонконга, наверное...

– Должен зайти в шк... в училище, – поправился начальник отдела кадров. – Он ещё документы не забрал.

– А – а, семь бед, один ответ, – махнул рукой Юрий Федорович и нажал кнопку звонка.

Вошла секретарь.

– Лена, пишите приказ: «Курсанта Воронова – инициалы посмотрите – перевести на второй курс мореходного училища, судомеханического отделения». Шапка и все такое, как

обычно. Не тяните. Отпечатайте по – быстрому, я подпишу.

– Спасибо, Юрий Федорович.

– Да полно, не стоит благодарности... Ещё неизвестно, что нам подбросит ваш любимчик... Только ради вас...

Юрий Федорович выше среднего роста, начинающий полнеть мужчина сорока двух лет. Слегка выдающийся животик, он маскировал тем, что пуговицы форменной тужурки были всегда расстегнуты. На тужурке знак ДВВИМУ, а чуть ниже располагался знак капитана дальнего плавания – секстан, в обрамлении лаврового венка. Строгое и властное лицо, скорее всего маска, за которой скрывался характер мягкий отзывчивый, добродушный, с пониманием относящийся к делам и проблемам курсантов.

Через неделю, после того как гражданский народ получил форму и немного попривык к ней, он приказал построить школу на плацу и произнес короткую речь:

– Товарищи курсанты! – нервно сказал он. – Я видел, как убивают, грабят, насилуют, но такой бардак, что творится в школе, я вижу впервые! Командирам рот, в недельный срок навести порядок! Это черт знает, что такое!..

Напугав курсантов подобным образом, он больше никогда не выступал перед строем, предоставляя это право своему заместителю по учебной работе и замполиту, который обо-жал держать курсантов по стойке «смирно» час – полтора.

– Во, зверь! – сказал Сорокин. – Облаял ни за что...

Но когда тому же Сорокину потребовалось срочно от-

лучиться домой по семейным обстоятельствам, начальник школы без лишних вопросов подписал ему увольнительную на неделю и позвонил в финчасть, чтобы курсанту Сорокину выдали в отчет сто рублей. По тем временам довольно солидная сумма.

– Я даже не ожидал и денег не просил, – говорил потом Валерий. – Вот это Федорыч. А я думал...

– Индюк тоже думал и лапами щелкнул, – веско сказал Князев. – Федорыч – голова, я сразу это понял, ещё в строю.

И, конечно, курсанты платили ему тем же. Так что престиж школы был высоким. Второй раз, но уже мягче, начальник школы выступил перед курсантами, отправляя их в отпуск, и речь его была более обширной. Но тоже своеобразной с вкраплением матросского сленга. Что делать? Натура брала своё...

– Мы с вами славно потрудились в этом учебном году. Теперь, когда мы из уроков будем делать людей, задача усложнится. Не воображайте, что четыре года вы просидите в училище и на шару получите диплом. Не выйдет. Флоту придурки не нужны. Поэтому мы из вас будем жать масло на всю катушку. Но игра стоит свеч. И я думаю, что мы вместе решим все поставленные задачи.

Далее, очень сильно надеюсь на то, что с вашей помощью гражданская шелупонь, что придет на первый курс, быстро поймет, где находится, и мне не придется краснеть за марку училища. Надеюсь также, что где бы вы не оказались, вы бу-

дете высоко нести звание советского курсанта, и на училище не будут приходить бумаги из известных вам милицейских заведений. У меня всё. Счастливо отдохнуть от трудов праведных. До скорой встречи...

Вот такая речь...

Юрий Федорович отходил на судах морского флота два десятка лет и в его речи нет – нет, да и проскальзывали словечки, не означавшие вовсе признания к гражданскому словию. Нет. Так было яснее и доходчивее. Для связки слов и мыслей, так сказать.

После того, как руководящий состав нового училища покинул кабинет, он что – то вспомнив, накрутил номер отдела кадров.

– Полищук. Да. Появится Воронов – немедленно ко мне. Да. Я вам начальник или балалайка! Найти. Всё.

Довольный собою, он взял личное дело Воронова и задумчиво полистал.

– Да ладно, – сказал он вслух. – Отстою, если что. Флоту такие люди нужны. Парень знает жизнь, чего уж там...

Участь Воронова была решена окончательно. Но готов ли Коля к такому повороту в жизни ещё оставалось загадкой. Может у него свои планы на этот счет...

Вася ехал домой. Дорога дальняя, в самую глушь, в поселок лесорубов Веселый, тогда ещё живший полнокровной жизнью. В те, почти первобытные времена, до Веселого можно было добраться двумя путями: морем – до портпункта

Малая Кема, а там тридцать километров на попутках или по дороге, на перекладных – тут уж как придется. Сначала на «КРАЗах», что шли груженые из Кавалерово до Варофоломеевки, а обратно порожняком. Потом от Кавалерово до Тетюхе на рабочем автобусе. И еще несколько раз пересеживаться с попутной на попутную – так что никаких нервов не хватит. Путь морем быстрее, но Вася решил прокатиться и добирался до места назначения три дня. Об этих трех днях, потраченных в пути, он не жалел. Устал, но не жалел. В Тернее его «подхватил» знакомый шофер – лесовоз шел прямо в поселок.

– Рассказывай, Вася, как она жизнь флотская.

– Да что рассказывать, дядя Гриша, в море не ходили... Так, по бухте на шлюпках погоняли и всё. Морская практика на третьем курсе начинается.

– Какой третий курс?... Загибаешь, Василий, ты же в морскую ремеслуху поступал или как это называется... ШМО, что ли?..

– Это точно. Я и сам не ожидал. Уже к выпуску готовились, а тут – приказ. И все. Да что я? Вот курсантский билет и зачетная книжка.

– Дядя Гриша даже свой «Студебеккер» остановил, чтобы получше разглядеть документы.

– Ишь ты... – уважительно сказал он, – мореходное училище, второй курс.

Полистал зачетку. Прочел вслух.

– Судовые силовые установки – «отлично». Ух, ты... Ну, Вася, ты даешь... Да, здорово. А так и не подумаешь... В тихом болоте черти водятся... Да, Вася?..

– Да, – сказал Вася.

– Ты смотри... – сказал дядя Гриша, вынул из бардачка пачку мятых папирос «Север» и сосредоточено закурил, наморщив лоб. – Ты, значит, морским инженером будешь, – сказал он, натужно думая о своем.

– Да каким инженером... Техник – механик судовых силовых установок: котлов, турбин, дизелей...

– О! – сказал дядя Гриша. – Нет, ну это все равно...

И замолчал, закурив, чертыхаясь, новую папиросу. Они ехали, и дядя Гриша думал.

Он молчал километров тридцать. Да и дорога не способствовала разговору. Машина то ныряла в ухабы, то, натужно подвывая мотором, выбиралась на дорогу.

– Мериканская техника, мать её... Все мосты ведущие, не то, что наш «ЗиС-5»...

Он снова закурил папиросу и погрузился в раздумья, изредка тихо матерясь на ухабах, и вращая баранку. Когда выехали на сравнительно ровную дорогу, он спросил:

– А ты надолго в отпуск?

– Почти до сентября.

– Ага, – и снова замолчал, о чем – то думая. – А чего ты в спортивном костюме, форму не дали, что ли?

– Белую выдали, а по такой пыли... В чемодане.

– Понятно, – сказал дядя Гриша. – Ты же в дизелях понятие имеешь?

– Первый курс, – сказал Вася. – Так, в общих чертах.

– Пойдет, – сказал дядя Гриша. – У нас ухари и общей черты не знают. А поработать не хочешь? Гулять у нас негде, сам знаешь. Или садовником будешь... груши околачивать?..

– Ну-у, не знаю.

– А что тут знать. Работа не пыльная. У нас на электростанции морской дизель монтируют, Томас Манн называется. Слышал о таких?

– В училище такой же стоит.

– Значит, разбираешься?

– Да как сказать...

– А ни чо не говори. Завтра пойдем к начальнику участка и назначим тебя главным на стройке. Да не бойсь! Чертежи есть, вся документация есть, ты парень грамотный – разберешься. Тебе шестьсот рублей лишние? Да ещё премия, если к отъезду дизель пустишь. Около тыщи и набежит. Чо, плохие деньги?

– Можно попробовать, – осторожно сказал Вася.

– Одна попробовала – семерых родила, – сердито заметил дядя Гриша. – Ты согласен или будешь весь отпуск богодулить?

– Дядя Гриша, так вы же не начальник, вы же не решаете... – улыбнулся Вася.

– Ё-моё, – заволновался дядя Гриша, – я, если хочешь

знать, специально в Терней заезжал, чтобы кого – то из мотористов уговорить, месяца два поработать. Начальник участка просил найти толкового мужика. Так зачем нам моторист, если свой механик, моряк домой едет. Сделаешь, тебе не только деньги обломятся, а начальник ещё в училище письмо напишет, какой ты молодец.

– Так я еще ничего не сделал.

– Ага, согласен?

– Не уверен, что буду полезен, но попробовать можно.

– Вот это разговор, – повеселел дядя Гриша. – Вот это по – нашему! Будет свет в деревне!

– Постараюсь, – вздохнул Вася.

Инспектор отдела кадров пароходства тоскливо посмотрел на Воронова и сказал, зевнув:

– Документы.

– Так ещё в школе, сказали зайти – узнать...

– А куда вас предварительно распределили?

– На «Бухару».

– Ты из какой школы? – спросил инспектор. – Что за бардак! «Бухара» в море и будет через месяц... Тебя в отпуск разве не отправляли? Черт знает что... Пойдите, как ваша фамилия?

– Воронов.

– Воронов? Так какого черта вы ломаете тут комедию, курсант! Марш в училище! В море он захотел... Ишь, шустряк какой... В училище! И чтобы до выпуска ноги тут вашей

не было. Вон, я сказал!

Воронов вышел из кабинета, а инспектор продолжал кипеть в одиночку:

– И ходят, и ходят... Нет, чтобы получить диплом... Так ходят, а чего ходить... Всему свое время. Тоже мне Робин Гуд

или как его Дон, этот, Кихот... – и он тихо посмеялся.

Коля, сбитый с толку, и ничего не понимая, сел в трамвай и покотил в училище. Да нет же, он сам читал приказ об отчислении... С тревожными мыслями он зашел в отдел кадров училища.

– Ба! Знакомые всё лица! Где вы бродите, Воронов, минуточку. – Он накрутил номер телефона. – Лена, начальник у себя? Да, нашелся пропавший. – Он положил трубку. – Так, курсант Воронов, к начальнику училища. Бегом – марш...

– Ничего не понимаю, – почесал затылок Коля.

– Если Воронова оставляют, значит, это кому – то нужно, – усмехнулся кадровик. – Иди, Коля, начальник ждет.

– Заходите, Воронов, – начальник училища бросил в ящик стола какие – то бумаги, – присаживайтесь. Мне говорили, что вы дисциплинированный курсант, а что получается...

– Что? – мрачно спросил Коля.

– Куда – то исчезаете... Ни слуху, ни духу... Уже хотели во всесоюзный розыск подавать...

– Зачем? – удивился Коля. – Меня же отчислили или выпустили... Ходил в кадры флота, а там накричали, послали

сюда... Вот я и пришел.

– Ну и молодец, – добродушно заметил Юрий Федорович. – А вопрос такой: есть желание учиться дальше или на флот, на «Бухару»?

– Просто интересно – все меня «Бухарой» пугают... Но я бы остался. Четыре года пролетят, не заметишь, зато специальность...

– А потянешь? – спросил Юрий Федорович. – Дальше сложнее будет, а ты этот курс закончил еле – еле... Слабовато. Если бы это было сразу в училище, то тебя, Николай, надо было бы или сразу отчислять, либо условно переводить до первой двойки. Так как?..

– Потяну, – сказал Воронов убежденно, чувствуя ответственность момента. – Сам летом математикой займусь. А там Вася Рогов поможет... Потяну.

– Вот это разговор, – одобрительно сказал Юрий Федорович. – Хорошо. Тогда... – начальник училища сделал паузу, запустил руку в стол и вынул две книжечки, – получай удостоверение курсанта и зачетную книжку. И в отпуск, Николай. Двадцать пятого августа быть здесь, без опозданий.

– А Князь, извините, Князева тоже вернули?

– Князь, как ты говоришь, уже... в море, у них рейс был в Японию, в Майдзуру. Да, Коля, летнюю форму ты не получишь – вещевой склад закрыт, но это же не главное?..

– Так точно.

– Свободен.

– Есть!

– Счастливо, курсант Воронов.

Улыбающийся Воронов вышел в приемную.

– И как? – спросили Лена.

– Второй курс. Аж не верится...

– Это Моисей за тебя лысиной по паркету постучал, – сказала Лена. – Ему спасибо скажи.

– Скажу, – пообещал Коля.

А в это самое время Вася Рогов критически осмотрел то, что нагородили сельские умельцы. Сделано было, что называется, от фонаря.

– Кто старший? – раздраженно спросил Вася.

– Ну – я, – поднялся мужик. – Пантелеев, моя фамилия. А ты кто будешь, пацан? Поработать хочешь?..

– Хочу. Итак, Пантелеев, с этой минуты я руковожу работами по установке и запуску дизеля.

Мужики посмеялись.

– А бетон мешать, не желаете, товарищ начальник?

– Нет, – спокойно сказал Вася, – а желаю я видеть всю документацию и альбом с монтажными чертежами.

– Иди, хлопец, иди... Пока пинка не дали. Начальничек... Вот их развелось...

И кто его знает, как бы обернулось дело, но подъехал начальник лесоучастка.

– Пантелеев! – нервно сказал он, нервный, как все начальники. – Опять богодулите...

– Да я чо... Газ кончился. Поехали в Малую Кему за баллонами.

– Так. Старшим на стройке назначается курсант судомеханического факультета мореходного училища товарищ Рогов. Все его распоряжения выполнять беспрекословно. Вопросы есть?

– Баба с возу – кобыле легче, – мрачно сказал Пантелеев. – Только уж больно он молодой...

– Придет время – состарится, – отрезал начальник. – Какие замечания, товарищ Рогов?

– Звать – то как начальника, – спросил Пантелеев. – Мы знаем, что он – Василий, а как по батюшке, раз начальник, то положено авторитет блюсти...

– Обойдемся без отчества, – сказал Вася. – А сделано всё не так. Вы, Пантелеев, в чертежи заглядывали?

– Да вон они лежат. Попробуй, разберись...

– Зачем же тогда... Ладно.

– Что нужно, товарищ Рогов? – спросил начальник участка.

– Пятитонный кран... Трубы цельнотянутые... Я чертежи посмотрю, а завтра утром скажу метраж и диаметры... Так, газосварка – есть, инструмент – есть, а остальное по ходу дела.

– А кран зачем? – удивился Пантелеев.

– Двигатель нужно разобрать и уже по блокам устанавливать. Вы эту махину вчетвером поднимите? То – то... Уста-

новим картер на фундамент, закрепим и начнем сборку и обвязку. А что вы наворотили – убрать.

– Вот так вот, Пантелеев, учись. Кран будет после обеда, – сказал начальник участка. – Ну, работайте. Я на тебя, Вася, надеюсь. Ух, голова...

– А куда они денутся... – Усмехнулся, Вася. – Так, гвардия лесов. Хватит сидеть! Начали...

– Ты смотри... – озадачено сказал Пантелеев. – Тут в пору в ухо дать, чтобы не мешался, а нельзя – начальник. Пошли, мужики, работать. Говори, малец, что делать нужно, раз такой умный...

– Отсоединяйте трубы. Снимайте, головки цилиндров. Будет кран, начнем разбирать полностью. Завтра устанавливаем...

– Ну, ничего ты даешь, парень... Мы же не кони...

– Все претензии к начальнику участка. Можете доложить, что я с вас масло жму и требую работы, а не выпаривать сало из живота.

– Ух, ты какой... Смотри, не надорвись...

Вася круто взялся за дело. И двадцать второго августа дизель – генератор зарокотал, давая поселку дополнительную энергию. А двадцать четвертого Вася открывал парадную дверь училища.

Если бы не работа по монтажу дизель – генератора, то Вася, наверное, очумел бы от скуки. Поселок представлял одну улицу в сорок домов по двадцать с каждой стороны дороги.

Школы – нет, клуба – нет, в больницу за сто верст... Баня у ручья, правда глубокого, заезжая лавка с водкой, песни женщин за околицей – вот и всё. Даже магазина постоянного не имелось. Всё в Малой Кеме, до которой тридцать километров по жуткой дороге. «Сто рублей не деньги, сто километров не расстояние», – говорили лесорубы. Впрочем, такая поговорка бытовала на всем Дальнем Востоке.

Вася не был привязан к поселку древними или дальними корнями. Вырос у бабки в Малой Кеме, учился в Тернее, а в поселок наезжал повидать мать, что рубила сучки на лесоповалах, и не столько от тяги к родному очагу – что ему было родным, в этом временном поселке? – сколько по житейской необходимости. Папа?.. Что – то смутное мелькало в памяти. Это смутное пахло крепким самосадом, лесом и дымом костров. На единственной фотографии, что сохранилась в доме, был снят молодой парень, прислонившись плечом к кедру. Снимали, видно, для газеты, а может для Доски почета... Кто его знает... Мать с годами все больше и больше отдалялась от сына и, кажется, он становился ей обузой. Вася это чувствовал и замыкался в себе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой Воронов впадает в раздумье о правильности выбора, начинаются суровые будни, Рогова ранит стрела Амура, но Черт толкнул под руку и стрела пролетела мимо. Тяжелый разговор

В школе почти ничего не изменилось за время отсутствия. Так же стояли якоря у входа, чуть поодаль стояла на кильблоках высохшая шляпка, а у входа скучал курсант с повязкой дежурного по училищу. Часто встречались парни с одним шевроном на рукаве – первокурсники, в новеньких, ещё необмятых форменках.

– Ну – ну... – хмыкнул Вася.

Он поднялся на третий этаж, с удовольствием читая таблички: «судоводительское отделение», «судомеханическое...». Он открыл дверь. У препарированного дизеля стояла знакомая фигура и, заглядывая в толстую книгу, что – то шептала.

– Коля! Воронов! – вскрикнул Вася. – Не отчислили?

– Привет, Вася, – сказал Николай так, словно вчера расстались. – Изучаю вот...

– Ещё изучишь, – сказал Вася. – Рассказывай.

– Да что рассказывать, – смутился Коля. – Уже настроился уголь в топки «Бухары» бросать... Думал год – два отхожу и прощай флот. А в кадрах пароходства приказали в училище вернуться. Вот вернулся. Говорят – Моисей подсуетился...

– Ну и правильно! – с жаром сказал Вася. – А наших много вернулось?

– Почти все. Городские завтра появятся. Вечером увидишь. Кто в город подался, кто в кино... Пока гуляй. Служба завтра начнется. На нас даже не готовят ничего. Камбуз закрыт.

– Пойдем, сходим куда –нибудь, я кучу денег получил. Мамане было оставил, а она мне половину тайком в чемодан сунула.

– Где же ты подзаработал?

– Помог деревенским коллегам дизель установить и запустить, вот начальство и отвалило... Пошли...

– Нет, Вася, спасибо, конечно, но я ещё позанимаюсь.

– Да брось ты этот дизель. Ещё каждую деталь во сне называть будешь.

– Я вот что думаю, – Воронов закрыл книгу, – а не сваяли ли я большую глупость?..

– Не понял.

– Да что тут понимать... Я же как думал – год проучусь в ШМОньке, получу специальность и буду работать. А сейчас столько лет париться...

– Ты женат, Коля?

– Не сподобился. Бог миловал от такого счастья, – мрачно сказал Воронов.

– Нет, я понимаю. Жена, дети по лавкам скачут... Тог – да – да. А если ты свободен, то получи нормальную специальность, а потом уже думай о личной жизни. Да и образование... Тебе же не в мешке свои знания носить, не надорвешься. А там, кто знает, может за эти годы Моисей сделает из тебя великого музыканта, и тогда мы будем гордиться тем, что учились с тобой в одной роте.

– Скажешь тоже, – усмехнулся Коля. – Я, почему пошел на трубе дудеть в Дом культуры?..

– Наверное, музыка потянула.

Воронов усмехнулся.

– Все – таки, какой ты еще мальчик, Вася... Кто в оркестре играл, тому отпуск летом давали. Какая музыка, скажешь тоже... Это когда стало получаться, тогда да – стало интересно. Так опять же, мы с концертами всего несколько раз выступали, а все больше жмуриков провожали. Какая же это музыка... Ду... ду... ду – ду... Тарелками – бац! Тьфу! А Моисей, конечно, человек, слов нет – голова. Если бы не он, я бы завязал навсегда с этой трубой. Скажу по секрету – только не болтай – мы тихонько музыку из кинофильма «Серенада солнечной долины» разучивали. Классная музыка. Ты кино видел?

– Нет.

– Жаль. Ты не обижайся. Еще наговоримся... Я бы позанимался...

– Раз так, конечно, – сказал Вася огорченно. – Пока.

– Ага, – сказал Воронов.

– Здравствуйте, товарищи курсанты! – сказал Юрий Федорович.

– Здравия желаем, товарищ начальник училища! – громынуло на плацу.

Юрий Федорович с удовольствием оглядел училище, что выстроилось поротно четкими квадратами. И тут он разразился речью. Синонимы, метафоры, глаголы и деепричастия так и перли из начальника училища. Увлечшись, он вставил в свою речь пару слов без падежей, что вызвало в строю сдавленный смешок.

Смысл его выступления сводился к тому, что теперь он будет драть всех подряд (Моисей толкнул секретаря – Лену локтем и прошептал: «Приготовьтесь, родная». «Я всегда готова», – так же тихо ответила Лена и хихикнула) за нарушение дисциплины, что они попали в серьезное учебное заведение, и, что, если кто вздумал богодулить и получить диплом за красивые глаза, то – банан! Не поможет ни оркестр – взгляд в сторону Моисея, – ни спорт, ни какая другая херня. Единственным критерием, по которым будет оцениваться курсант, это, во – первых, учеба, а, во – вторых, дисциплина.

– Надеюсь, что всем понятно!

Строй озадачено промолчал.

– Вот и ладно, – мирно закончил речь начальник. – Вольно! Разойдись на занятия!

В Приморье осень приходит по – разному. Например, если в поселках и городах побережья ещё тепло, то в Чугуевке или какой-нибудь Самарке, хоть кожушок одевай. На земле заморозки, в воздухе не бодрящая прохлада, а прямо – таки морозец. Оно хотя и не шибко, но после тридцатиградусной жары нулевая температура всё равно, что из жаркой бани – в снег. Вроде бы и полезно, но лучше не надо.

Август – Сентябрь во Владивостоке – золотое время. Кажется, что до осени, как до Луны, но в октябре начинается листопад, деревья становятся прозрачнее и наползает плотный туман. В парках и скверах шуршит под ногами листва, а воздух напоен легкой грустью по ушедшему лету, может разбитой любви или безответной... И всё как бы замирает в ожидании зимы, пронизывающего колючего ветра, а то и снега по колено. Редко, но бывает.

И ожидание... Чего? А кто его знает... Перемен в жизни – хотя какие перемены у курсанта – выигрыша в лотерею... Словом, чего – то необычного, что ещё не произошло, но обязательно должно произойти, потому что, как же... Обязательно! И тогда... А что? А кто его знает?.. Но будет замечательно, неожиданно, хорошо. Нет, правда? А как же!..

К судовым механикам пришел новый замполит. Был он молод. Высокого роста и лицом похож на артиста Тимошен-

ко, сейчас почти забытого, а в то время на пике популярности, выступавшего под именем Тарапунька. На форменной тужурке недавно полученный университетский значок. Видать, холостяк, потому что новенькая форма имела какой – то неряшливый вид. Казалось, что как получил её парень со склада, так и неудосужился пройти утюгом по брюкам и пиджаку.

– Взвод, встать! – сказал Петя Мартынов из бывших мотористов, и не успел он доложить по всей форме, как замполит смущенно махнул рукой.

– Садитесь, товарищи. Я, знаете ли... Словом, вы у меня первые... И, полагаю, наши симпатии будут обоюдными. Так, тема нашей беседы, товарищи курсанты, основы философии вообще и марксистско – ленинской в частности. Но сначала давайте познакомимся. Меня зовут Аркадий Ильич Иванов.

– А какой Иванов? – спросил Мартынов.

– Не понял... – брови замполита метнулись вверх.

– Последний Иванов, что служил на Тихом океане, имел номер тринадцатый. Вот я и спрашиваю: а вы, какой?

– Вы имеете в виду... Как ваша фамилия, курсант?

– Мартынов.

– А-а, это вы стреляли в поэта Лермонтова?

– Очень дальний родственник.

– Так вот, курсант Мартынов... Очень рекомендую не афишировать свои знания истории белого офицерства.

Вредно для здоровья. А приписывать себе родство – пусть дальше – с белогвардейским офицером, это даже не шик, не геройство, не исключительность личности, это глупость с непредсказуемыми последствиями. Вы поняли меня, курсант Мартынов?

Судя по лицу, Петя понял всё и мгновенно.

– Кто ваши родители, Мартынов?

– Мать – фельдшер в больнице, а отец на заводе работает, слесарь.

– Вот этой версии и держитесь, я понятно излагаю?

– Так точно.

– Садитесь. И прежде чем что – то сказать – подумайте.

Ваше счастье, что я сам – недавний студент...

– Эх ты... Контра недобитая... – шепнул Сорокин. – Нашел о чем языком молоть...

– Пошутить хотел, – шепнул Петя.

– Пошутил?.. – сказал Валерка. – Хорошо, если никуда не капнет...

– Наговорились? – терпеливо спросил Аркадий Ильич. – Я-то не капну, как вы говорите, курсант. Смотрите, как бы свои не заложили... Итак, продолжим. Изучать предмет мы начнем с «Философских тетрадей» В. И. Ленина. Запишите список литературы. И хочу предупредить, товарищи курсанты, ни один зачет, ни один экзамен по общественным дисциплинам я не буду принимать без конспектов.

Список оказался внушительным.

– И это все прочитать? – изумился Воронов.

– И законспектировать. Но это не значит – переписать ту или иную работу. А кратко изложить её основную мысль

– Ни фига себе... – вздохнул Воронов.

Сорокин изо всех сил тянул руку. Закончив с Мартыновым, и очень довольный собой – поставил – таки курсанта на место – он оглядел аудиторию, заметив руку Сорокина.

– Что у вас, курсант? – спросил он недовольно.

– Курсант Сорокин, – поднялся Валера.

– Слушаю вас.

– Аркадий Ильич, а вы в бога верите? Бог есть или нет...

– Вообще – то я – агностик.

– Объяснил, – шепнул Коля Рогову.

– Нам марксистам – ленинцам не пристало верить в бредни, что распространяют служители церкви. Религия – опиум для народа и она является идеологическим инструментом, с помощью которого царизм управлял народом. Слава Богу, мы с вами живем в социалистическом государстве, где поповщина, церковь никакого отношения к государству не имеют, отделены от него, а мы с вами, вместо Закона божьего изучаем основы марксистко – ленинской философии, которая напрочь отменяет попов и иже с ними. Курсант, я не понимаю, чему вы улыбаетесь... Ваша фамилия?

– Воронов, – поднялся Коля.

– Что я сказал смешного?

– Да ничего, – мрачно сказал Воронов. – Настроение хо-

рошее, а вы – извините – на Тарапуньку похожи.

– А-а... – улыбнулся замполит. – Мне все это говорят. Садитесь, Воронов.

На следующей «паре» пришел Менинзон, мрачный, как курсантская жизнь.

– Допрыгались? – спросил он с порога. – Садитесь. Ученье – свет, – злобно сказал он, – а неученых – тьма. И что мне с вами делать?

Ответом было ожидающее молчание.

– Вот и я не знаю...

– Чего это он разошелся? – тихо спросил Рогов Колю.

– Ты у меня спрашиваешь?.. Не знаю...

– Третий стол – разговорчики! Ладно, черт с вами! Доставьте самую толстую тетрадь и пишите название курса: «Детали машин». Перевернули страничку. Написали – «Введение», а ниже пишем: «Машины в зависимости от сложности и габаритов разделяются на некоторое число сборочных единиц – в скобках узлов и деталей. – Написали? – Деталь – изделие, изготовленное из однородного по наименованию и марке материала...». И пошло, и поехало... Два часа курсанты пыхтели, не разгибаясь, записывая за преподавателем.

– Ой, зачем я на свет народился, ох, зачем меня мать родила?.. – сказал Воронов после занятий. – Это же...

– Так это только начало, то ли еще будет, – Вася тряхнул рукой.

– Вот тут и подумаешь... – тоскливо заметил Воронов, –

а не сваял ли я дурака ...

– Вопрос не в тему, – сказал Вася.

Воронов промолчал.

Когда утихли первые радости по поводу перехода школы рядового состава в среднее мореходное училище, то многие курсанты задумались. Ну – да, оно, конечно, здорово, но планы намечались совсем другие, а тут снова за парту, и ещё неизвестно закончишь ты это училище или нет... Начальник на построении не на шутку разошелся. И он по – своему прав. Но сомнения терзали второй курс. Дома ожидали, что сын через год самостоятельным человеком станет, а выходит ему трубить и трубить, как медному котелку. Наверное, приятно прийти на судно не матросом, не в машинное отделение рядовым, а штурманом или механиком. Легко сказать – сделать попробуй... Поддался общему унынию, царившему на курсе, и Коля Воронов. Да и в окружении молодежи он чувствовал себя неуютно. Двадцать четыре года, вроде как, и не возраст, чтобы думать о старости, пенсии, склерозе и обо всем, что сопровождает пожилых людей. Так это с одной стороны. А с другой – было бы куда комфортнее на душе, если бы не ушел Князь, например. Где он теперь?.. Гуляет, видать, по заграницам, пьет джюс, орандж, купается в бассейне, а вечерами ходит по заграничным бабам.

В это время, когда Воронов терзал себя, слегка завидуя другу, Князев стоял у борта своего судна и мрачно смотрел на порт Находка. Он тоже завидовал Воронку – новость о

том, что его оставили в училище, каким – то путем достигла ушей Князя.

«И что я хотя бы на балалайке не играю, – тоскливо думал он, – везет же Ворону... Говорила мама – учись, так нет... А теперь – не слушал мамку, слушай склянку... Тут и к бабке не ходи, Моисей расшибется, но оставит его в училище. Играет Коля на трубе, что Луи Армстронг, заслушаешься. Эх – х...».

Князев сплюнул в темные воды бухты и отвернулся от панорамы порта. Да, он моряк, ходит в «загранку», виза открыта, зарплата не хилая, можно приодеться и сменить форму на гражданское платье, можно и в ресторан посидеть, но всё это мелочи. Придет Коля на коробку – четыре года пролетят, не заметишь – механик, отдельная каюта, зарплата побольше, опять же, комсостав... От вахт, конечно, не отвертеться, так зато пришел в каюту и кум королю, сват министру. Хоть на голове стой. И тут мысль, сверкнувшая в мозгу, заставила его вздрогнуть.

– О, а что это я?... – вслух сказал Князь. – У меня же десять классов... Ну – у, Коля, мы ещё посмотрим... Я же заочно могу ДВВИМУ окончить! Плавсостав, куда они денутся...

– Князь, ты с кем это разговариваешь? – спросил вахтенный матрос, что скучал у трапа.

– Сам с собой, – ответил Князев.

– Бывает, – согласился матрос. – Я, например, тихонько пою на вахте, когда нет никого. Говорят, что у меня голос,

как у Лемешева. Ты бы в город сходил, так и шиза посетить может.

– Я в каюту, – сказал Князев, – придавлю ухо минут на шестьсот.

– Тоже дело. А я бы сходил, – мечтательно произнес матрос. – Возле якорей всегда телку снять можно. Да не вырваться, завтра уходим.

– Далеко – не знаешь?

– Штурмана говорили, что в Сидней, это в Австралии.

– Я в курсе, что Сидней в Австралии.

– Молоток, – матрос отошел к трапу, а Князев спустился в каюту.

Сидней, Гонконг, Порт – Саид, Бомбей – какая разница, в конце концов...

В классе самоподготовки находился один человек. Первокурсник из судомеханического. Сорокин, не обращая внимания на то, чем занимается курсант, уселся за стол, открыл тетрадь и погрузился в тайну логарифмической линейки. Кажется, все просто. Но два умножить на два выдавало верный результат – четыре, а вот 12,5 умножить на 3,4 – не получалось. То есть результат был, но, как говорится, ни в какие ворота, а уж тем более с ответом не сходился. Валера открыл руководство по линейке, внимательно прочел главу о действиях с десятичной дробью, попробовал опять, и снова вышло черте что.

– Нет, я её никогда не одолею, – огорченно сказал он

вслух.

– Что – то не так? – спросил курсант.

– Ты что-нибудь петришь в этом деле? – безнадежно спросил Валера и показал на линейку.

– А-а, это... Ну, не на уровне доктора математических наук, но получалось. Покажи, как ты делал?

– Смотри, – Валера задвигал движком, засопел и установил бегунок на конечный результат.

– Все понятно, – сказал курсант. – Ты не учитываешь разряды делений, а отсюда и ошибка. Толя, – протянул он руку.

– Валера.

– А теперь – смотри.

Работая с линейкой, Толя объяснял, что такое разряды делений, как считывается результат.

– При навыке в работе, можно получать значения до четвертой цифры. И не спеши. Сначала дробное число умножай на целое, потом простенькое, например: два и четыре на один и два. Потихоньку научишься. Все надо делать морамора, как говорят на Мадагаскаре.

– А что это означает? – спросил Валера.

– Тихо – тихо или потихоньку, – улыбнулся Толя. – Потихоньку от простого к сложному.

– М-да, – сказал Валера. – А ты где научился?

– У меня отец кандидат физико – математических наук.

– О, как, – сказал Валера. – Тебя – то чего в мореходку занесло?

– Удрал, – сказал Толя. – Отец хотел, чтобы я стал художником, а это свободная профессия, богема, там такая ко-
нюктура...

– Так ты рисуешь?

– Художники пишут – маслом или акварелью. Сейчас – да. Замполит попросил изобразить, на свой вкус, что – то
похожее на Айвазовского...

– А можно посмотреть?

– Это только эскиз, набросок. Я вообще-то не люблю по-
казывать наброски. Да ладно...

Сорокин подошел к «эскизу» и ахнул:

– Это ты нарисовал?

– Нравится?

– Я, конечно, мало в этом понимаю, но твой набросок...

Елки – зеленые!.. Нет, Толя, твой отец прав – тебе не место
в мореходке. Тебе надо в академию художеств.

– И ты туда же...

– Толя, я не из «шестерок». Да и чего мне перед салагой
лысиной по паркету стучать... Но тебе скажу прямо, ты –
гений!

– Да знаю я, – не смутился Толя. – Может, и приду я в
академию, но хочется не с пустыми руками, а чтобы с деся-
ток таких работ было, что – ух!

– Слушай, фамилию свою скажи.

– Зачем? Нет, ну, пожалуйста, Педан.

– Запомню.

Толя усмехнулся.

– Ты извини, Валера, мне ещё над композицией поработать надо. Фигура вот этого моряка – он показал карандашом – не очень нравится. Надо бы добавить экспрессии. Не находишь?

– Я в этом не понимаю, – смутился Валера. – Про композицию знаю, а экспрессию – нет.

– Расскажу при случае, – сказал Толя и склонился над рисунком.

– Ну, не буду мешать, – сказал Валера.

– Ага, – кивнул Толя.

* * *

Много – много позже, когда Валерий Павлович Сорокин – уже поседевший – смотрел мульт – фильм: «Жил – был пёс», в титрах мультика, среди фамилий художников – мультипликаторов он встретил знакомую: А. Педан.

«Неужели тот самый!..» – ахнул он в душе, а вслух сказал, улыбнувшись:

– Мора – мора...

– Это что? – спросила жена.

– Да так... Очень далекая юность. У нас в мореходке учился один парень А. Педан – ушел со второго курса. Талантище! Рисовал, как Рафаэль. Он если что – то делал, то говорил: «мора – мора» потихоньку, значит.

– Это ты к чему вспомнил?

– Да вот... припомнилось, – сказал он, не вдаваясь в подробности.

* * *

Воронов работал до изнеможения. Мысль о том, что он может оказаться в «среднячках», и его будут держать в училище, только потому, что здорово играет на трубе, его угнетала. Он со всей пролетарской силой вгрызался в гранит науки. А тут ещё Менинзон вздумал дать ему сольную партию на трубе и мордовал на репетициях. Всё это вместе изматывало Колю до последнего.

Моисей Самуилович считал себя последователем Глена Миллера и разучивал с оркестром музыкальную тему «Поезд на Читачунгу». Где соло на трубе отводилось Коле Воронову.

– Так – так – так, – усмехнулся Аркадий Ильич, – разучиваем зарубежную эстраду?.. Советским курсантам насаждаем буржуазную идеологию... Интересные дела в вашем оркестре, Моисей Самуилович, вы не находите?

– Но позвольте! – возмутился Менинзон. – Эти мелодии слышит вся страна! «Серенада Солнечной долины» идет в широком прокате.

– И что?

– Да ничего, собственно, раз фильм шагает по стране, следовательно, его одобрили на самом верху!

– А вы зря нервничаете. Если этот фильм посмотрит тракторист или доярка – это один момент. Но мы с вами готовим командные кадры для флота. Улавливаете разницу? Вы заранее подготавливаете курсантов к буржуазной культуре и негативному восприятию советских идеалов и музыки в частности. И я, как заместитель начальника училища по политической части, очень рекомендую сменить репертуар оркестра.

– Тьфу! – сказал Менинзон. – Это же черт знает что! Так я не знаю, куда мы можем доехать...

– Вот именно, – сказал замполит. – Здесь я с вами совершенно согласен.

– Может вы перегибаете, Аркадий Ильич, – сказала историк Людмила Васильевна, которую все в училище звали Людочка. – Я смотрела этот фильм. Очень веселая музыка. Не понимаю, что вы в ней нашли... разлагающего?

Разговор шел в преподавательской.

– Очень жаль, Людмила Васильевна. – Уж вам-то, как историку... Очень жаль...

– О чем разговор, коллеги? – спросил Юрий Федорович, входя.

– Замполит утверждает, что я занимаюсь целенаправленным разложением курсантов, – взволновано сказал Менинзон. – А оркестр следует разогнать, только потому что мы решили исполнить всего лишь одну композицию Глена Миллера! По той лишь причине, что эта музыка написана в США.

– Что за вздор! – поморщился начальник училища. – Это так, Аркадий Ильич?

– Не совсем. Я предложил Моисею Самуиловичу сменить репертуар. И всё.

– Давайте так, – сказал Юрий Федорович, – я – начальник училища. И я буду решать разогнать оркестр или сменить репертуар. А вот если курсанты в своих кубриках разведут бордель и начнут приводить шлюх – извините, Людмила Васильевна – вот тут вам карты в руки. Вы – философ по образованию... Вы знаете, сколько октав в рояле?

– Нет, – растерялся замполит.

– И я не знаю. А вот товарищ Менинзон знает. Давайте не мешать специалисту не только в профессиональном росте курсантов, но и в духовном. Я понятно изложил?

– Более чем...

– Вот и не мешайте Моисею Самуиловичу.

– Есть!

– И не вздумайте... Вы меня поняли? Вы на флоте – не на флоте даже, а в системе флота – первый год. А я только на коробках двадцать лет отходил. Это тоже можно не комментировать?

– Я понял.

– Хорошо. И поймите ещё одно, XX съезд КПСС расставил все точки над «и». И поднимать тему врагов народа – вы же сюда клоните? – не актуально. Особенно после съезда. Вас не поймут.

– Да у меня и в мыслях не было! – воскликнул Аркадий Ильич.

– А к чему тогда эти намеки? Не думай, Аркаша, что ты безнаказанно съешь Мосю, извини, Моисей, это я любя... Не выгоню, нет. Наоборот, дам очень лестную и блестящую характеристику, и рекомендацию, чтобы тебя определили в плавсостав. И, поверь, позабочусь, чтобы ты попал не на роскошный лайнер, а куда-нибудь на ледокол или танкер.

– Да помилуйте, Юрий Федорович, какие враги народа...

– Ну и договорились, – вздохнул Юрий Федорович, – выяснили отношения... Читайте свою философию и не лезьте туда, где один Моисей Самуилович понимает, что и к чему.

– Есть.

– Ну и отлично...

Вася Рогов вторую неделю ходил задумчивый, как Диоген в поисках человека. На все вопросы переспрашивал:

– А? – и рассеяно добавлял. – Ну...

– Вася, ты чего «нукаешь»? – спросил Коля. – А нам новые трубы завезли – класс!

– Ну, – сказал Вася, думая о своем.

– Я говорю – трубы у нас новые, совсем иначе звучат.

– Я понял, – сказал Вася, – новые трубы звучат лучше...

Воронов встревожено посмотрел на друга.

– Вася, ты не заболел? Может, трепачка подхватил по тихой грусти, так сходи в медсанчасть. Это дело мигом лечится...

Рогов вздохнул.

– Если бы... Я не знаю... Познакомился с одной барышней...

– Так вдуй ей по самое некуда и вся грусть пройдет!

– Коля, ты по простоте душевной наговоришь...

– Да брось ты маяться! В этом смысле все просто, как венник: у тебя есть чем, а у неё есть куда – вся алгебра жизни. И не надо здесь голову ломать. Я думал что – то серьезное...

– Как у тебя все просто...

– Это жизнь, Вася.

– А любовь?

Коля усмехнулся.

– Как же без любви... Без любви – это изнасилование, а за эти дела большой срок дают, а то и под «вышку» могут подвести. Любовь – это обязательно, – рассмеялся Коля. – А потом, дружище, не я это сказал, любовь – это костер, а, чтобы он горел, нужно подбрасывать в него палки и чем больше, тем лучше. Костер горит ярче.

– Ну, не знаю...

– А тут и знать нечего. Ты меньше книжек читай про любовь. В книжках, то князя, то графья – богодулы, одним словом. А ты – будущий механик, пахарь морей. Выкинь блажь из головы и будь моряком, а не размазнёй гражданской. Не страдай, побежал я на репетицию. Такую музыку играем, ух!.. «На скамейке, где сидишь ты, нет свободных мест, в городском саду играет духовой оркестр...» Классно!

Побежал я...

Вася посмотрел ему вслед и дернул козырек мичманки. Как всё просто у Воронка: пришел, увидел, победил... Так, чтобы костер загорелся, надо его сначала развести, если следовать терминологии Воронка. И все-то он знает, и все-то он видел и... перепробовал. А тут не то что костер, даже искры не проскочило. Студентка... Я в принципе ничего не имею против студенток, но эта какая – то уж очень... Или гордая, или... Тут Вася расстроился совсем, потому что не мог найти определения этому неясному «или»...

Люди знакомятся по – разному. На танцах, в кино, в длинной очереди, спасая от разбойников или из воды, в аэроклубе, на пароходе, в театре, в цирке, в трамвае, на пляже, словом, где угодно. Вариантов много. И здесь, как говорится, нужно оказаться в нужном месте, в нужное время. И Рогов оказался. Девушка, согнувшись в три погибели, несла тяжелый чемодан. И Вася, как человек флотский, предложил девушке свою помощь.

– Ох, помогите, – сказала девушка. – Совсем измучилась.

– Кирпичей нагрузили, что ли? – спросил Вася. – Как же вы его несли?

– А куда денешься... Надо. Книги там.

– Учитесь? – спросил Вася, глянул на девушку и...

Рогов был готов.

– Да. На первом курсе восточного факультета ДВГУ. Ездила домой за книгами.

– А что, есть и западный факультет? – спросил Вася.

Девушка рассмеялась.

– Восточный потому, что на этом факультете изучаются языки стран народов Востока.

– А-а... – сказал Вася.

– Я буду... Нет, изучаю японский. А вы на втором, ДВВИМУ?

– Проще. Средняя мореходка.

Девушка оглядела парня оценивающе, как бы прикидывая, а стоит ли связываться с курсантом средней мореходки, и сказала:

– Факультет, конечно, штурманский?

– Нет, судомеханический.

– Это уже лучше. В случае чего, механику на суше работу всегда найти можно.

«Ух, ты какая...» – подумал Вася, а вслух сказал:

– Ну – да. – Вот мы и пришли, – девушка остановилась возле кирпичного дома в два этажа. – Я на первом живу. Спасибо, что помогли.

– А как вас зовут?

– Рита.

– Василий.

– Понятно, – сказала девушка, видимо, потеряв к Васе всякий интерес.

– Мы встретимся еще?

– А зачем? – спросила Рита.

– Ну, просто так... Погуляем...

– Квасу выпьем, – со смехом продолжила Рита, – а потом – можно к вам в гости?

– Почему бы и нет, – потеряно сказал Вася. – Только квас я терпеть не могу. Можно в театр, в цирк, в ресторан, наконец...

– Нет, шустрый Вася. – Спасибо за помощь, но мне, честное слово, некогда. Впрочем, если хочешь, давай встретимся в следующее воскресенье.

– Я в наряде на следующие выходные, – расстроено сказал Вася.

– Тогда, как –нибудь... Но, – Рита сделала паузу, поджала губы, словно что – то вспомнив, – лучше нам не встречаться.

– Почему!?! – удивленно вскрикнул Вася.

– Да не могу я тебе все рассказать!.. – Рита мотнула головой и закончила неожиданно. – Лучше найди себе другую девушку. Прощай.

Она подхватила чемодан и скрылась в подъезде.

– Цену себе набивает, – зло сказал Воронов. – Эти студентки... Хотя знаешь... Восточный фа – культет, говоришь... М – да – а... Я слышал краем уха, что это самый хитрый факультет в университете. Там не понять кого готовят: то ли переводчиков, то ли... – Коля нагнулся к Васе и что-то шепнул на ухо.

– Да иди ты!.. – сказал Вася.

– За что купил, за то и продаю и думаю, что ты ещё будешь

иметь приятную беседу, если я прав, – сказал Коля.

– Вот и помогай после этого людям, – огорчился Вася.

– Все хорошие дела должны быть наказаны, – усмехнулся Коля. – Да не переживай так сильно... Каждый мужик – особенно первый раз – где – нибудь, да споткнется. Пролетел один раз, повезет в другой. Только не таскай больше чемоданы...

Вася хмыкнул.

После занятий в роту судовых механиков зашел замполит.

– Где Рогов?

– Тут где – то...

– Найти срочно. Пусть зайдет ко мне в кабинет.

Рогова нашли в спортзале.

– Вася, к замполиту – срочно. Он у себя. Интересно, где ты мог так отличиться...

– Места надо знать, – буркнул Вася.

Через пятнадцать минут он постучал в дверь кабинета.

– Разрешите?

– Заходите, Рогов, – официальным тоном сказал замполит. – Садитесь.

Вася осторожно присел на стул.

– Рассказывайте, – предложил замполит, – мне говорили, что вы большой мастер импровизации. Слушаю.

– А что рассказывать? – спросил Вася.

– Ну, например, о любви. Я вообще не знаю, что с вами делать, Рогов. Тут письмо пришло благодарственное из ле-

соучастка Веселый. Это ваша родина?

– Так точно.

– Пишут, что вы – герой труда. За короткий срок сделали то, что не могла сделать целая бригада. Что вы там натворили?

– Помог дизель собрать и пустить.

– Это хорошо, Рогов. Это говорит о качестве подготовки наших курсантов. Но речь не об этом, Рогов.

– А о чем?

– О любви, Василий, о ней.

– По – моему, это мое личное дело, – нервно сказал Вася.

– Если бы, – загрустил замполит. – Вы, Рогов, не знаете главного – восточный факультет ДВГУ курирует комитет государственной безопасности.

– Да я-то здесь причем? – удивился Вася.

– Притом, Рогов, что вам придется выбирать: либо любовь, либо море, дальнейшее плавание. открытая виза и так далее. Да и в любви, насколько я в курсе, у вас не всё ладно. Я не прав?

Вася вскинул глаза и посмотрел на замполита.

– Вот только не надо на меня так смотреть, Рогов, не надо. Её Рита зовут?

– Вы и это знаете?..

– Василий, тебе мало девушек? Ты не мог познакомиться с девицей из любого другого факультета? Нет – надо с восточного!

– Да что, у неё на лбу написано?!

– Тебе же сказали, Рогов! Кажется, ясно...

Вот это дела... Замполит знал всё. Неужели Коля? Да не может быть... Ничего не понимаю...

– Значит так, Рогов. Общение с Ритой Завьяловой прекратить! Не надо наживать себе неприятности и создавать проблемы девушке. Хочу, чтобы ты понял – я не от своего имени говорю.

– Понял, – сказал Вася.

– И не обижайся, Василий, тем более что ваши отношения в начальной стадии, а, прямо говоря, нет ещё никаких отношений. Может, когда – нибудь восточный факультет будет работать на народное хозяйство. А пока этот факультет, ещё тот факультет. Ты умный парень, хватаешь все на лету и я очень надеюсь, что ты меня правильно понял.

– Да, – сказал Вася.

– Вот и хорошо. А письмо мы объявим перед строем. А как же... Училище должно знать своих героев.

– Да не надо, зачем? – тоскливо сказал Вася.

– Тебе не надо – другим надо. И это уже не твоя забота, Рогов. Свободен.

– Есть, – сказал Вася и вышел из кабинета.

ГЛАВА ПЯТАЯ. Рогова приглашают домой Неожиданная встреча. Южно – Китайское море. Дизель – электороход...

Годы учебы пролетели незаметно. Напряжение курсантских лет и даже отречение от простых житейских радостей дало результат. Диплом с красно-коричневой обложкой стал наградой за тяжкий труд. Да и Вася стал уже далеко не тем застенчивым мальчишкой, что пришел в ШМОньку. Он заметно подрос, раздался в плечах, а под рубашкой играли мускулы, результат занятий гимнастикой. Отгремел оркестр, проводя первых выпускников училища, отзвучали речи. Парни, кто успел обзавестись девушкой, исчезли. Кто сразу отбыл к месту работы, а Воронов и Рогов сидели на старой, перевернутой вверх дном шляпке.

– Тебя куда? – спросил Воронов.

– На север, на ледоколы, – сказал Вася, – а ты? Коля помялся, пряча глаза.

– Знаешь, меня в Находку пригласили, в Дом культуры моряков. Буду в ансамбле играть. Похоже, что Моисей подсуетился...

– А чего ты стесняешься?.. Ты же захиреешь на судне без трубы.

– Да неудобно как – то... Учился – учился, тянулся изо всех сил, а выходит зря.

– Не переживай. Каждому – своё. Кому дизеля и море, кому труба и сцена. Будет сольный концерт, не забудь пригласить...

– Обижаешь, Вася. Кого же приглашать как ни тебя... Даже странно от тебя слышать...

– Не верится даже... – Сменил Рогов тему. – Поступали в ШМО с очень скромными запросами, а вышли механиками, – усмехнулся Вася, – командирами...

– Ты в отпуск?

– Куда и к кому?.. Мать умерла, никого нет, лесоучасток – я слышал – закрывают... Нет, Коля, я к месту службы. Мой ледокол в Анадыре стоит. Послезавтра вылетаю. А ты? – Я – в отпуск. Ансамбль на гастролях сейчас.

– Лихая у тебя будет жизнь, – со смехом сказал Вася. – Гастроли, цветы, поклонники... Не то, что у меня: ледокол, машина, кают – компания, каюта, вахта... И день за днем. А кругом льды, белые медведи...

– Ты сам напросился или...

– Да как тебе сказать... и да, и нет.

– У тебя же красный диплом, мог выбирать.

– Мог. Но в кадрах сказали, что «Макаров» – отличное судно, а для практики лучше всего навигацию или две отхо-

дить на ледоколах.

– И ты согласился?

– Сразу.

– Рогов!

– Вася, тебя Лена зовет, – Коля с интересом посмотрел на друга, – а все молчал...

– Да я ни сном, ни духом, – засмутился Вася. – Наверное, по делу...

– Васька... – тихо сказал Коля, – знаю я эти дела... Не теряйся...

– Отвали, – так же тихо сказал Вася.

– Да брось ты... У девушки всё при всём, не упускай момент. Сколько же можно под мальчика молотить...

Рогов слегка толкнул Воронова в плечо и Коля тихо засмеялся.

– Иди, иди...

Вася подошел к Лене и доложил:

– Товарищ секретарь училища, третий механик ледокола «Макаров» Василий Рогов прибыл по вашему приказанию!

– Вася, что ты дурачка валяешь – курсанты смотрят...

– Потому и докладываю по форме.

– Вася, – сказала Лена и сделала паузу, задумавшись продолжать или нет, и храбро закончила, – поехали ко мне.

– Что – то надо помочь?

– Скажешь, я тебе не нравлюсь?

Тут Вася смешался совсем, но подошел Воронов.

– Лена, извините. Вася, я поехал, пока. Может быть, когда –нибудь встретимся. У меня поезд через час.

– Но ты же говорил...

– Через час, Вася. Лена, забирайте Рогова, а то он... Словом, счастливо ребята! Помчался я! Вася, я на «Макаров» телеграмму пришлю!

И Коля, не оглядываясь, быстро пошел в низ к остановке трамвая.

– Ты не ответил на вопрос, – сказала Лена тихо. – Курсант Рогов – это одно, и я не могла к тебе ни подойти, ни сказать, а механик Рогов – совсем другое...

– Да. – Вася поправил фуражку. – Если я правильно понял...

– Вот парни пошли... – вздохнула Лена. – Нет, чтобы взять под руку, помочь девушке дойти до остановки... Так им сначала надо что – то понять...

Вася по – новому взглянул на Лену и отметил, что у девушки ясный взгляд, высокая грудь, стройная фигура и, как выразился Коля, все при всем.

– А... – он запнулся – в нем ещё жил курсант и к новому своему качеству он не успел привыкнуть, но переборол себя и закончил мысль, – ты далеко живешь?

– Наконец – то... – вздохнула Лена. – Нет, на Луговой. Пешком можно дойти. Пойдем, нам есть о чем поговорить.

– Пошли, – сказал Вася, терзаясь, потому что не знал, зачем он идет и о чем разговор, но, как загипнотизированный

шел рядом с девушкой, ощущая её тело и охваченный предчувствиями, совершенно для него новыми.

Говорила в основном Лена, а Вася лишь кивал головой, вставляя «ага», «ну», «да». Из сбивчивых слов девушки – видимо, Лена тоже волновалась изрядно – он понял, что она обратила на него внимание ещё на первом курсе, в школе, стало быть. Но ШМО – это ШМО, она думала, пройдет год и чувства остынут. И даже не чувства, а она не знает что. Наверное, так мать относится к своему робкому, но способному сыну (в этом месте Вася хмыкнул). А уже потом, когда школу перевели в училище, и Вася резко стал меняться, чувство вспыхнуло снова и вот, что хочешь, а это, наверное, любовь (в этом месте Вася остановился, поставил чемодан на растрескавшийся асфальт, взял девушку за плечи и повернул к себе).

– И четыре года молчала? – спросил ошарашенный Вася.

– Ага, к тебе подойдешь... Ещё нехватало, чтобы курсанты тебя донимали и за моей спиной хихикали.

Вася нашел это решение мудрым и спросил:

– Лена, выходит, что ты меня любишь?

– Рогов, тебе зря дали красный диплом! Как ты будешь жить с таким поздним зажиганием?..

Относительно зажигания Лена переборщила. Едва он взял девушку под руку, его прошила искра, а чем дальше они шли, и чем интереснее складывался разговор, тем больше, по выражению Воронова, у Васи дымился кочан.

– Лена, – упавшим голосом сказал Вася, – а как же быть?

Я через три дня улетаю в Анадырь.

– Устроишься, дашь знать, я прилечу следом. Пойдем. Мы почти пришли.

– А дома кто? – спросил Вася.

– Мы вдвоем с мамой живем. Она сейчас в санатории, вернется к концу месяца. Так что мы с тобой все твои три дня вместе будем.

Понятно, что три дня они не играли в подкидного дурачка или в домино. И уже в кресле самолета, закрыв глаза, он вспоминал, как, едва переступив порог квартиры, вся одежда полетела во все стороны. Как, едва прикоснувшись к девушке, Вася обрызгал ей живот. Как потом всё пошло как надо и три дня они вставали с кровати, чтобы наскоро перекусить и снова наслаждаться друг другом. Это была страсть двух истомившихся тел, и они отдавались ей без оглядки. На третий день Лена сказала:

– Вот это да-а... Ну, мы и оторвались...

– Ой, как неохота уезжать, – вздохнул Вася.

– Мы теперь будем всегда вместе, – сказала Лена. – Я обязательно прилечу...

Старший механик, которого на всех флотах от Калининграда до Владивостока зовут «дед», представил нового третьего механика машинной команде.

– А вот ваша вахта, Василий Сергеевич, старший моторист Зинченко и моторист Сысоев. Всё, товарищи. А вы, Ро-

гов, зайдите ко мне.

У себя в каюте «дед» пригласил садиться и прочел небольшую лекцию об особенностях ходовых вахт на ледоколе – особенно во льдах.

– А моторист Сысоев давно на судне?

– Уже год. Его после окончания курсов плавсостава сюда направили. Втянулся. Справляется. А что, были знакомы раньше?

– Да имел несчастье познакомиться...

– Вы уж, Василий Сергеевич, если что – то негативное, то не обостряйте. Рейсы у нас затяжные, деваться некуда. А злость только помешает делу. Да и напряжение в экипаже ни к чему.

– Какая злость... Скажем так, пикантная ситуация.

– Я не психолог, – сказал «дед». – Если пикантная, то сами разберётесь.

– Да, – согласился Рогов.

– Ну что, вступайте в свои права третьего механика. Сегодня ночью отходим. Как раз на вашей вахте. Я спущусь в машину. Да, и не стесняйтесь спрашивать у мотористов. Здесь ничего зазорного нет. Теория – теорией, а практика она и есть практика. Вы согласны с такой постановкой вопроса?..

– Разумеется. А в машину я спущусь. Вот только переоденусь...

– У нас на вахту можно выходить в парадной форме, но как угодно... Сейчас в машине второй механик, пообщай-

тесь с коллегой, пощупайте железо своими руками. Это полезно.

Рогов вышел из каюты старшего механика и с удовольствием открыл дверь с табличкой: «Механик – 3». Каюта просторная, с квадратными иллюминаторами, здесь всё было приспособлено для долгого пребывания и с максимальным удобством возможным на судне такого класса. В дверь постучали.

– Открыто, – сказал Рогов, – прошу.

Вошел Сысоев.

– И как жить будем, Вася?

– Давайте условимся, Сысоев, не Вася, а Василий Сергеевич. Или, если вам не нравится, товарищ третий механик. Что ещё?

– Я спрашиваю, как жить будем? Вот удружил «дед»... Ещё и на твоей вахте оказался.

– Сбылось пророчество Воронка, – усмехнулся Рогов. – А как будем жить? В рамках должностной инструкции.

– Злишься за прошлое? Ну, ударь меня...

– Вот что, Сысоев, о нашем прошлом, думаю, здесь никто не знает. В ваших интересах его не касаться. И давайте на «вы». В пределах уставных отношений...

– Да я лучше спишусь с коробки! В рамках Устава... А в рыло хочешь?

– Попробуй, – равнодушно сказал Вася. – Если у вас всё, моторист Сысоев, то свободны. И не вздумайте на вахте ис-

терику закатывать.

– Да пошел ты!.. – выкрикнул Сысоев и бабахнул дверью, выскочив из каюты.

Зинченко высокий, симпатичный парень, в щегольском комбинезоне с надписью “Montana”, в кепке с фирменной маркировкой, “Shell” являл собой образец советского матроса времен «хрущевской оттепели», когда фирменная одежда уже не являлась поклонением Западу, а лишь подчеркивала, что даже на вахте можно одеваться стильно и красиво. Опять же, чистая одежда и легкий запах мужского одеколona говорили о том, что машинное отделение перестало быть преисподней, и превратилось в рабочее место высокой культуры, не только технической.

Открытое лицо старшего моториста выражало доброжелательность, а в его поведении не ощущалось ни чинопочитания, ни желания угодить начальнику, пусть и новому. Словом, он знал себе цену. Механики приходят и уходят, а мотористы остаются, это было его жизненной установкой. Он пожал Рогову руку и спросил:

– Это у вас первая вахта, Василий Сергеевич?

– Да, – ответил Рогов.

– Не страшно. Давайте так, вы ведите всю документацию, а мы с Витей не подведем. Поможем молодому командиру. Да, Витя?

– Это запросто, – неожиданно для Рогова миролюбиво сказал Сысоев. – Через месяц такой командир будет, что в

ляля загнуть может.

– Не страшно, – усмехнулся Зинченко. – У нас в лялях можно в чистой рубашке ползать, не то, что на других коробках.

Рогов качнул головой, а Сысоев поджал губы – подколка не вышла.

– Меня Игорь зовут, а моего корешка по вахте, Витя. Работать может, но гниловатый... Может на Севере человеком станет. Я верно говорю, Витек?

– Чего это я гниловатый?

– А чего ты Сергеича подкальываешь? Я не знаю, конечно, может, ваши дорожки и пересеклись где – то, но я чувствую, что ляля – это давняя подколка. Или я не прав?

Рогов вздохнул, а Сысоев промолчал.

– Ну и вахта... – покачал головой Игорь. – Ладно, выведу я вас на чистую воду.

Каждое судно имеет свою особенность. И хотя принципиальное отличие невелико, но это в принципе, а на практике незначительные отличия чувствуются ощутимо. В другом месте клапана, не так стоят приборы, несколько иной запуск, иначе стоят баллоны высокого давления запуска двигателя. Конечно, мелочи, но первая вахта может превратиться в тихий кошмар, если не оказалось времени на предварительную подготовку. Потому с предложением старшего моториста пришлось согласиться и не корчить из себя большого начальника, всезнайку. Это море. Или один за всех или

все против тебя, а деваться некуда – кругом вода...

Рогов довольно быстро освоился, и жизнь вошла в нормальное русло. И прошло два года. Наверное, так бы все и катилось. Годы, звания, рост в должности меняли друг друга, а однажды внезапно обнаружилось, что живот против воли выпирает, наблюдается невесть откуда взявшаяся, отдышка, по коленям ползают внуки и вообще... пенсия. Наверное...

Отпуск. После ледяного безмолвия зелень травы и деревьев радовала глаз.

– Хорошо – то как! – вскрикивал Вася, ныряя в воды бухты Тихой. – Лепота...

Квартира Роговых почти рядом с кинотеатром «Искра». Можно сказать, что жизнь устроена. Сынишка Коля ходит в садик, Лена все так же работает секретарем в училище, хотя зарплаты полярного механика вполне хватало, чтобы жена не работала.

– Нет, ты посмотри, что пишут! – разволновался Рогов, открыв вечером газету. Слушай «Началом варварской бомбардировки Демократической республики Вьетнам самолетами с авианосцев «Констеллейшн» и «Тикандерога» послужило якобы имевшее место нападение на эсминцы 7-го флота США «Мжддокс» и «Тэрнер Джой» торпедных катеров ДРВ. Так называемый «Тонкинский инцидент» дал повод Соединенным Штатам довести свой воинский контингент во Вьетнаме до двухсот тысяч человек». Это война, – сказал Вася. – Отдохнул, называется. Сейчас точно отзовут.

– А ты здесь при чем! – всполошилась Лена. – Где Вьетнам, а где Советский Союз...

– Вьетнам строит социализм, а мы им помогаем. Наши суда уже ходили в Хайфон, насколько я в курсе.

– Но ты же полярник. На ледоколах служишь.

– Оно – то так, но тем не менее однако, – сказал Вася. – В самом деле, что нам до какой-то войны, правда, Коля?

– Да! – выкрикнул Коля и уселся к папе на колени.

– Лена, давай еще одного или одну спроектируем, – сказал Вася. – Парню нужен кто – то или братик, или сестричка. А то один... Ни два, ни полтора...

– Ой, скажешь тоже, – отмахнулась Лена. – Тут с одним не знаешь куда деваться... Но, – она усмехнулась, – эту тему мы обсудим... вечером.

– Так другой разговор!.. – сказал Вася. – Да, Коля?

Коля поковырял в носу и сказал:

– Я хочу писять.

– Ну, пошли.

А через две недели Рогову позвонили и просили срочно зайти в отдел кадров, к начальнику.

– Что? – встревожилась Лена.

– Все нормально. В кадры вызывают.

– Я так и знала... Не ходи.

– Как это? Да успокойся, всё нормально.

– Василий Сергеевич, вы нас извините, конечно, но надо срочно подменить заболевшего (надавил начальник на слове

«заболевшего») механика на «Ереване». Всего два рейса. И отдыхайте дальше. Понятно, что время, проведенное в рейсе, вам зачтется. Хотите в денежном эквиваленте или отгуляете, разумеется, всё будет оплачено.

– Так же третьим?

– Нет. Вторым механиком. Все документы и виза уже готовы. Отход завтра.

– А куда рейс?

– На Вьетнам. Груз сугубо гражданский – мука, сахар, соль...

– А под мукой...

– Уверю вас, все чисто, на этот раз, – усмехнулся начальник.

У Рогова на секунду сжало сердце и отпустило.

– Да не волнуйтесь, Василий Сергеевич, – заметил проступившую бледность на лице Рогова начальник отдела кадров. – По советским судам не стреляют. Так... шалят, но... ничего особенного.

– А тип судна?

– «Ереван». Это типа либерти...

– Добро, – сказал Рогов. – Поеду принимать дела.

– Да что там принимать. Отдыхайте сегодня. К слову, на «Ереване» есть выпускники вашего училища: Сорокин, Князев... Знаете их? – Ещё как... – усмехнулся Рогов.

– Вот и отлично. Счастливого рейса!

– К черту.

Пока Рогов получал документы в разных службах пароходства, пока – не выдержал все – таки – забежал на судно, солнце уже клонилось к вечеру. А вечером были слезы, прощание и... «проектирование». Утром он поднимался по трапу «Еревана».

Японское море прошли без приключений, но на подходе к Цусимскому проливу стали появляться американские самолеты. Они заходили издали и пролетали над мачтами парохода так низко, что можно было разглядеть смеющиеся лица пилотов. Восточно – китайское море тоже прошли без осложнений, а вот в Южно – китайском издевались над советским судном, как хотели. Сбрасывали на пароход деревянные бочки, наполненные в отхожих местах, и, разбиваясь о палубу, они распространяли зловоние по всему судну. Палубная команда не успевала смывать «добро» за борт.

Сбрасывали бочки из – под бензина, пробитые в нескольких местах. Падая, они издавали дикий визг и вой. Казалось, что судно бомбят и капитан, матерясь, как последний забулдыга, маневрировал, уворачиваясь от небесных подарков. Только ночами шли полным ходом и без приключений.

Так вошли в Тонкинский залив. До Хайфона оставалось несколько миль, когда налетели «Фантомы» и открыли огонь по безоружному судну. С той высоты, с которой американские летчики расстреливали пароход, нельзя было не видеть, советский флаг. На судне начался пожар, перебивались пожарные шланги, от попадания реактивного снаряда в борт –

хорошо, что выше ватерлинии – вышли из строя помпы. В машине был сущий ад, но команда, выбиваясь из сил, держала ход парохода и производила возможный ремонт израненного судна. Всеми работами руководил Рогов. И пароход шел! Подбежал Сорокин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.